

Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 118 с.

Микляева А.В., Румянцева П.В.

**СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: СОДЕРЖАНИЕ,
СТРУКТУРА, МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ**

Предисловие Панферова В.Н., доктора психологических наук, профессора, заведующего кафедрой психологии человека РГПУ им. Герцена

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 06-06250а

Санкт-Петербург, 2008

Содержание

Предисловие доктора психологических наук, профессора В.Н. Панферова	3
Введение	5
1. Что такое социальная идентичность?	6
1.1. Понятие идентичности в психологии	6
1.2. Социальная идентичность личности	12
1.3. Социальные группы как объекты и субъекты социальной идентификации	19
1.4. Смысловая природа социальной идентичности	23
1.5. Компоненты социальной идентичности	25
1.6. Механизмы формирования социальной идентичности личности...	35
2. Методология исследования социальной идентичности	40
3. Структура социальной идентичности: результаты эмпирических исследований.....	48
3.1. Репрезентация актуальной структуры социальной идентичности в обыденном сознании современных россиян	48
3.2. Структура социальной идентичности личности в различные периоды жизни человека	55
3.3. Структура социальной идентичности как отражение социальной ситуации личности	62
4. Семья как пространство формирования социальной идентичности личности (на материале младшего школьного возраста)	70
5. Психологическая работа с трудностями, возникающими в связи с социальными идентификациями личности	80
Заключение	94
Литература	96

Предисловие

Социальная идентичность – феномен, который в последние десятилетия привлекает значительное внимание и отечественных, и зарубежных ученых. Это далеко не случайно. Постепенное раскрытие закономерностей функционирования социальной идентичности позволяет подобраться к одной из серьезнейших и до сих пор не раскрытых загадок современной психологии – проблеме социального поведения. Именно социальная идентичность, находясь на стыке феноменов, традиционно изучаемых в психологии личности и социальной психологии, в значительной мере опосредует и детерминирует поведение личности в окружающей ее социальной среде.

Идентичность является сквозной проблемой психологии человека. Благодаря ей в самосознании личности гармонично уживаются индивидуальное и коллективное, что способствует максимально успешной адаптации человека к социуму.

Социальную идентичность можно обнаружить в структуре психорефлективных психических образований. Она представляет собой компонент индивидуального сознания и самосознания, связывающий человека с социальной реальностью и позволяющий определить свое место в ней. Процессы социальной идентификации объединяют в себе индивидуальное и типичное, личное и социальное, что предъявляет серьезные требования к их исследованиям. Интегративный характер данного явления требует междисциплинарного подхода, который в современной психологической науке реализуется в изучении социальной идентичности как с психологических, так и социологических позиций.

Проблема социальной идентификации личности получает новое звучание сегодня, когда, в связи и быстрыми социальными изменениями, происходящими не только в России, но и во всем мире, происходит изменение сложившихся десятилетиями форм социальных отношений, что неизбежно приводит к трансформации идентичности. Сегодня мы можем наблюдать различные нарушения процессов социальной идентификации, которые снижают адаптационный потенциал людей и их возможности самореализации.

Нельзя забывать о том, что обладателем социальной идентичности является конкретная личность, наделенная уникальным жизненным опытом и обладающая неповторимой картиной мира, в которой субъективно преломляются социальные отношения. В этой связи вполне обоснованным выглядит стремление авторов исследовать данный феномен с помощью психосемантического подхода. Вместе с тем, заметны и существующие трудности методологического характера: очевидно, что при дальнейших исследованиях данного явления психики необходимо шире применять экспериментальный подход, который позволил бы исследователю занимать более активную, субъектную, позицию, вскрывать причинно-следственные связи, лежащие в основе психологических и социальных явлений. К сожалению, экспериментальный метод все реже применяется в отечественной социальной психологии, хотя социальная идентичность, как явление, зарождающееся в результате активного взаимодействия личности с окружающей средой, требует применения именно

экспериментальных процедур, воссоздающих в специально созданных условиях элементы подобного взаимодействия.

Анализ современного состояния исследований в данной области позволяет увидеть еще одну проблему, требующую решения. Между отечественной и зарубежной традициями существует определенная дистанция в понимании социальной идентичности. Как можно обнаружить, отечественные исследователи рассматривают социальную идентичность как, прежде всего, результат соотнесения личностью себя с большими социальными группами: этническими, гендерными, профессиональными, религиозными и т.д. В западной социальной психологии акцентируются, скорее, идентификационные процессы, протекающие в малых социальных группах, в которые индивид непосредственно включен в ходе своей жизнедеятельности. Очевидно, что для более полного видения данного феномена психического необходимо объединение двух этих подходов, формирование интегративной модели социальной идентификации.

Результаты представленного в данной работе исследования позволяют сделать первые шаги на пути решения обозначенных выше проблем. Авторами предложена трактовка взаимодействия идентификаций с большими и малыми группами в структуре социальной идентичности, которая, тем не менее, пока остается не подтвержденной эмпирически. Полученные в исследовании результаты могут стать основой для моделирования экспериментальных процедур, направленных на изучение процессов социальной идентификации личности.

В.Н. Панферов

Введение

Проблема социальной идентичности относится к сравнительно новой, но бурно развивающейся области психологического знания. Она исследуется как в западной, так и отечественной научной традиции. Постоянно возрастающий интерес ученых к данной теме обусловлен значимостью понятия социальной идентичности как для теоретического осмысления широкого круга проблем психологии личности, внутригруппового и межгруппового взаимодействия, так и для решения практико-ориентированных задач, связанных с социальным поведением человека, профилактикой социальной дезадаптации и оказанием психологической помощи.

Активные исследования проблемы идентичности в психологической науке начались сравнительно недавно – в 60-е годы прошлого столетия. В начале 1960-х годов была описана так называемая базовая личность – понятие введенное А. Кардинером (1963) и определяемое культурноантропологическими теориями как манера вести себя, вступать во взаимодействие с другими людьми. В этот же период, понятие идентичности широко использовали различные ролевые теории личности, в рамках которых она понималась как структурная совокупность различных ролей, интериоризуемых в процессе социального обучения. Несколькими годами раньше, введение в научный обиход данного понятия подготавливалось также целым рядом эмпирических социально-психологических исследований, основным предметом которых было изучение взаимовлияния личности и группы. Их результаты нашли отражение в работах Т. Ньюкома, М. Шерифа, Д. Келли и др. Сегодня теория социальной идентичности разрабатывается в рамках различных направлений психологической науки: психоанализе (З.Фрейд, Т.Адорно, Э.Фромм, Э.Эриксон), необихевиоризме (М.Шериф, Д.Кэмпбелл), когнитивной психологии (Х.Тэджфел, Дж.Тернер), во французской школе социальной психологии (С.Московичи), а также в контексте деятельностного подхода в отечественной социальной психологии (В.С.Агеев).

Необходимо отметить ряд трудностей, с которым сегодня сталкивается наука при изучении социальной идентичности. Во-первых, в эмпирических исследованиях чаще всего рассматриваются отдельные компоненты социальной идентичности (прежде всего, гендерная и этническая, гораздо реже – возрастная и экономическая) вне их взаимосвязи друг с другом. Во-вторых, в качестве объекта исследования чаще всего выступают подростки, хотя по различным данным формирование социальной идентичности начинается значительно раньше. И, наконец, в-третьих, возникают трудности с подбором методов эмпирических исследований, связанные с отсутствием однозначных взглядов на природу социальной идентичности личности.

В нашем исследовании была предпринята попытка преодолеть обозначенные выше трудности. В частности, мы исходили из необходимости анализа социальной идентичности как целостного многокомпонентного феномена в его возрастной и социальной динамике. В качестве методической парадигмы исследований нами был выбран психосемантический подход. Этот выбор

был основан на теоретических положениях когнитивизма и социального конструктивизма (конструкционизма), которые явились методологической базой нашего исследования.

Понимая социальную идентичность как процесс и результат идентификации человека с теми или иными социальными группами, мы провели эмпирические исследования, позволяющие описать различные компоненты социальной идентичности, а также выделить отдельные закономерности их формирования. В работе представлены данные, характеризующие отражение структуры социальной идентичности в обыденном сознании, а также структуру социальной идентичности личности в различные периоды жизни и в различных социальных условиях. Отдельное внимание уделено формированию социальной идентичности в доподростковом периоде, поскольку этот возрастной этап чаще всего выпадает из поля зрения исследователей социальной идентичности.

Помимо результатов эмпирических исследований, в работе приводятся апробированные нами методики диагностики социальной идентичности личности, а также технологии психологической помощи в контексте проблем социальной идентификации человека.

1. ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

1.1. Понятие идентичности в психологии

Исследователи проблем идентичности до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, кому принадлежит открытие этого понятия для психологической науки. Если в философии можно проследить преемственность развития термина «идентичность» от античности через немецкую классическую философию и до постмодерна (Малахов В.С., 1998), то в психологии это сделать довольно трудно, потому что, войдя в терминологический аппарат психологической науки, это понятие обрело множество смыслов в связи с множественностью теоретических парадигм его интерпретаций.

Интерес к проблемам идентичности связан с формированием гуманистической парадигмы в гуманитарных науках, обозначившей проблемы свободы и ответственности, осмысленности жизни (Заковоротная М.В., 1999). Появление термина «идентичность» в психологии принято связывать с именем Э. Эриксона. Однако истоки этого понятия современные ученые находят в работах З. Фрейда «Толкование сновидений» и «Групповая психология и анализ эго». В «Толковании сновидений», изданной на рубеже XIX-XX веков, Фрейд впервые использовал термин «идентификация», под которой он понимал неосознаваемое отождествление субъектом себя с другим субъектом и считал ее механизмом усвоения ребенком образцов поведения значимых

других, формирования супер-эго. К моменту выхода в свет работы «Групповая психология и анализ эго» в 1914 году Фрейд придавал понятию идентификации уже более широкий смысл, определяя ее не только как бессознательную связь ребенка с родителями, имеющую преимущественно эмоциональный характер, но и как важный механизм взаимодействия между личностью и социальной группой (Дробижева Л.М. и др., 1996). Употребление одного и того же термина – «идентификация» - применительно к двум различным уровням человеческих отношений с позиции теоретических воззрений Фрейда было вполне оправданным: ведь, по его мнению, в основе любви к своей группе и агрессии по отношению к другим лежит ранний детский опыт амбивалентных эмоциональных отношений, который впоследствии переносится в сферу социального взаимодействия.

Следует отметить, что в современной психологии принято отличать понятие «идентификация» от понятия «идентичность». Если под идентичностью вслед за Э. Эриксоном сегодня принято понимать некоторое состояние самоотождествления, то идентификация – это совокупность процессов и механизмов, которые ведут к достижению этого состояния (Заковоротная М.В., 1999).

Сам Э. Эриксон считал родоначальником понятия «идентичность» У. Джемса (Эриксон Э., 1996). Хотя Джемс и не употреблял этого термина и использовал вместо него слово «характер», именно он впервые детально описал острое и захватывающее ощущение тождества и целостности, которое в современной психологии именуется идентичностью, задавшись знаменитым вопросом: «Может ли человек, встав утром с кровати, с уверенностью утверждать, что он тот же человек, который вчера вечером ложился спать?».

Среди теоретических предшественников эриксоновской концепции идентичности нельзя не упомянуть также К. Ясперса, идеи которого отражают размышления о взаимоотношениях «Я» и «Ты», зародившихся в ту пору в экзистенциально-ориентированных философско-антропологических исследованиях. В защищенной в 1913 году докторской диссертации «Общая психопатология» Ясперс определил идентичность как один из четырех формальных аспектов самосознания – осознание того, что я остаюсь тем, кем был всегда, и все происходящее в моей жизни события происходит именно со мной, и не с кем другим. Примером нарушения идентичности, по мнению Ясперса, являются утверждения больных шизофренией о том, что происходившее с ними до начала психоза на самом деле было не с ним, а с кем-то другим.

И все же, несмотря на обширную предшествующую историю анализа категории «идентичность», статус самостоятельного научного понятия она получила в работах Э. Эриксона (Баклушинский А.С., Белинская Е.П., 1998). Начал свои исследования в 1940-х годах исследованиям «военных неврозов» военнослужащих армии США, в 1967 году он обобщил результаты своих многолетних исследований идентичности в книге «Идентичность: юность и кризис». В ней он представляет идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности, существующую в контексте непрерывно-

го развития личности и выполняющую адаптационные функции. Идентичность – это динамическое образование, претерпевающее изменения на протяжении всей жизни человека. Она обеспечивает возможность видеть свою жизнь в аспекте ее непрерывности, органично переплетая прошлое и будущее и включая их в переживания настоящего, адаптируясь к изменениям жизненной ситуации (Эриксон Э., 1996).

Проблема соотношения тождества, постоянства, и в то же время непрерывного изменения, динамики, которая заложена в понимании идентичности, предложенном Э. Эриксоном, придает категории «идентичность» определенную семантическую двойственность, отмечаемую многими исследователями. В частности, П. Рикер находит истоки подобной двойственности в этимологии данного понятия. Считается, что корень слова «идентичность» складывается из двух латинских корней: "iten" («в высшей степени сходный», «тот же самый», «аналогичный») и "ipse" («самость»). Получается, что в термине «идентичность» происходит наложение друг на друга двух смыслов: устойчивость – изменчивость во времени и тождественность самому себе – инаковость. Таким образом, сам термин «идентичность» указывает на диалектичность ее природы, проявляющуюся в многообразии связей между постоянством и изменчивостью идентичности (Рикер П., 2000).

Э. Эриксон считал, что идентичность личности объединяет в себе помимо природных задатков, потребностей и способностей, значимые идентификации и постоянные, устойчивые социальные роли (Эриксон Э., 1996). Впоследствии благодаря работам Г. Тэджфела и его последователей социальные аспекты идентичности получили в психологической литературе относительно самостоятельный статус, что породило продолжающуюся и сегодня дискуссию о соотношении личностной и социальной идентичности. Этот вопрос на сегодняшний день не имеет однозначного решения.

Традиционные для современной психологии трактовки личностной идентичности как набора характеристик, отличающих данного человека от других людей, и социальной идентичности как результата осознания своей групповой принадлежности с принятием типичных для этой группы черт предполагает противопоставление этих аспектов идентичности. Как отмечает В.Н. Павленко, «... социальная идентичность теснейшим образом взаимосвязана с ингрупповым подобием и межгрупповой дифференциацией, личностная идентичность — с отличием от всех других людей ... Поскольку же очень трудно представить, как можно в каждый данный момент, одновременно чувствовать себя и подобным членам ингруппы (проявляя социальную идентификацию), и отличным от них (в рамках личностной идентичности), то это противоречие породило идею о неизбежности определенного конфликта между двумя видами идентичности...» (Павленко В.Н., 2000 с. 136-137).

Именно эта идея получила отражение в работах основоположника теории социальной идентичности Г. Тэджфела, который противопоставил актуализацию личностной и социальной идентичности как полюсы социально-поведенческого континуума. Он предполагал, что для достижения позитив-

ной самооценки человек может использовать либо межгрупповые, либо межличностные формы взаимодействия, в зависимости от того, какой способ является наиболее быстрым (и, соответственно, социальную или личностную идентичность), которые, таким образом, становятся противоположными друг другу.

В работах Дж. Тернера личностная и социальная идентичности также противопоставляются друг другу как различные уровни когнитивной категоризации человека. Аналогичная тенденция прослеживается и в современных когнитивно-ориентированных исследованиях социальной идентичности. Так, М. Яромовиц (1998) рассматривает личностную идентичность как субсистему знаний о себе, которые формируются из сравнений себя с членами ингруппы и состоят из набора черт, специфичных для Я. Социальная идентичность же рассматривается автором также в качестве набора черт, но в данном случае выявляющихся в ходе социального сравнения ингруппы и аутгруппы (Павленко В.Н., 2000).

Однако на современном этапе развития социальной психологии происходит переосмысление соотношения личностной и социальной идентичности. Когнитивные психологии ищут ответ на вопрос о соотношении социальной и личностной идентичности через реконструкцию организации системы самопознания человека, а также репрезентации в его сознании информации о самом себе. По выражению D. Trafimow, H. Triandis и S. Goto (1991), этот вопрос может быть решен с использованием моделей «двух корзин» или «одной корзины». Модель «двух корзин» предполагает, что личностные и социальные признаки хранятся отдельно друг от друга и не пересекаются между собой. Модель «одной корзины», напротив, заключается в признании того, что социальные и личностные признаки человека хранятся в одной познавательной структуре и тесно взаимосвязаны (Trafimow D., Triandis H., Goto S., 1991).

В последнее время многие исследователи склоняются к модели «одной корзины», выдвигая свои гипотезы сугубо на теоретическом уровне или подтверждая их эмпирическим путем. В рамках когнитивной психологии получила распространение идея G. M. Breakwell (1993), согласно которой за любой социальной категорией стоит определенное содержание, основанное на тех признаках, которые обычно интерпретируются как содержание личностной идентичности. С другой стороны, описывая себя как «веселого» или «доброго», человек идентифицирует себя с группами «веселых» и «добрых» людей и противопоставляет «грустным» и «злым», благодаря чему личностные характеристики оказываются не вполне индивидуализированными.

Эта гипотеза получила эмпирическое подтверждение в исследовании A. Reid и K. Deaux, которые, подвергнув самоописания своих респондентов процедуре кластеризации, показали, что личностные характеристики являются содержанием социальных идентификаций личности. Оказалось, что личностные признаки могут не только индивидуализировать человека, но и указывать на подобие членам социальных ингрупп (Reid A., Deaux K., 1996). Аналогичные данные получили в своих работах В.А. Bettencourt и D. Hume,

обнаружившие, что испытуемые, вопреки исследовательским ожиданиям, чаще относят эмоциональные, ценностные и отношенческие характеристики к сфере социальных, а не личностных идентификаций (Bettencourt В.А., Hume D., 1999).

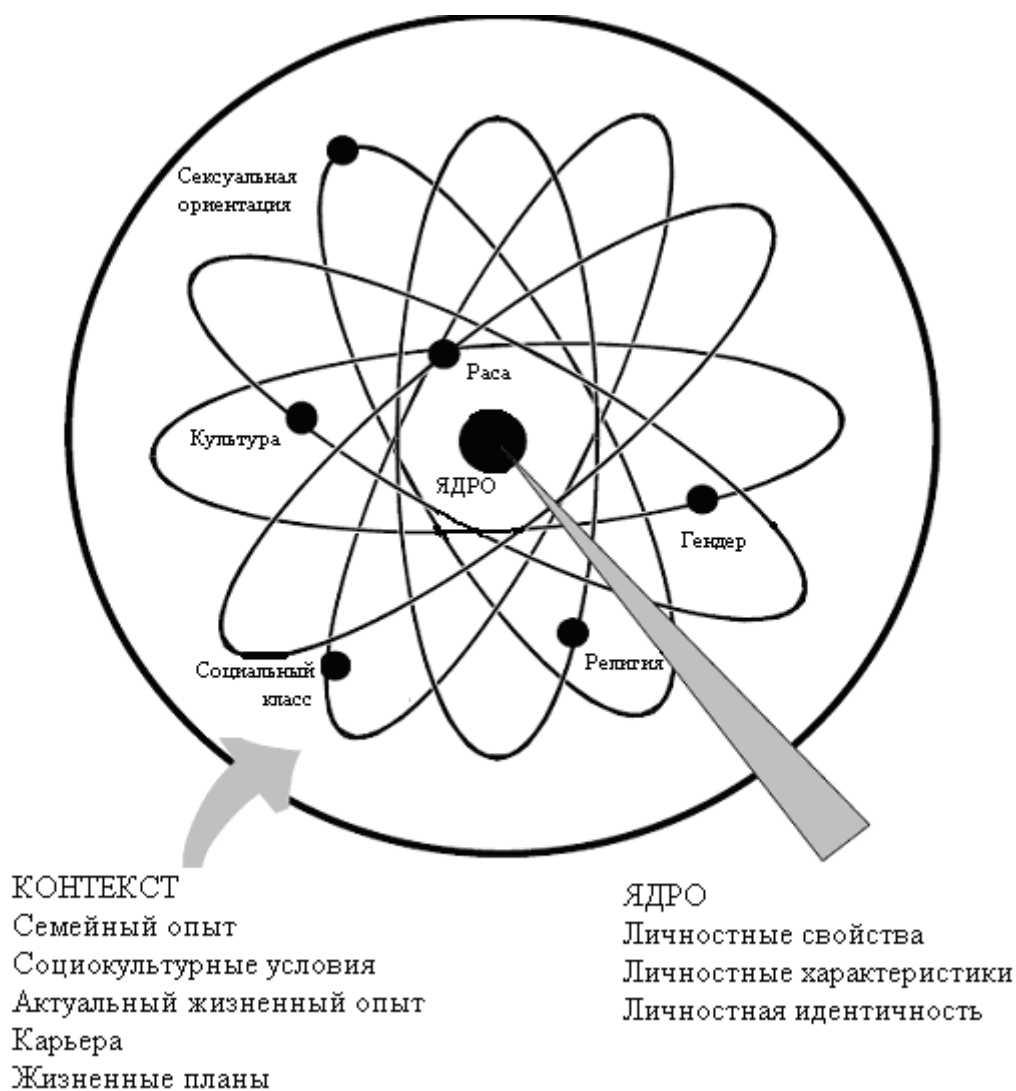
Аналогичная точка зрения характерна и для представителей современного символического интеракционизма. Для их подхода характерно рассмотрение идентичности как динамического процесса, ключевым моментом которого является активность личности, проявляющаяся во взаимодействии с другими людьми. Р. Дженкинс (1996), в частности, считает, что индивидуальность и групповая являются сторонами одного и того же процесса и отражают социальный опыт человека (Павленко В.Н., 2000).

Идеи о том, что социальная и личностная идентичности не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими элементами идентичности человека, характерны и для сторонников теории социальных представлений С. Московичи. Так, У. Дойс отмечает, что личностную идентичность нельзя рассматривать только как набор уникальных характеристик и сводить индивидуальный уровень исключительно к различиям. И различия, и подобия могут быть найдены как на уровне личностной идентичности, так и на уровне социальной. Более того, он предлагает эмпирически обоснованную гипотезу о том, что личностная идентичность может рассматриваться как социальная репрезентация, представляющая собой результат ассимиляции распространенных в обществе представлений о человеческой личности (Павленко В.Н., 2000).

Как видно в двух вышеописанных подходах, одним из ключевых вопросов, на который пытаются ответить исследователи, заключается в том, какой вид идентичности является первичным по отношению к другому. Как правило, исследователи признают первичность социальной идентичности и ее опосредующее влияние на формирование личностной идентичности. Так,

G. M. Breakwell предположил, что личностная идентичность является продуктом социальной идентичности, формирующимся в процессе селективного отбора характеристик, являющихся содержанием разнообразных социальных стереотипов. Аналогичная гипотеза выдвинута в уже упоминавшемся исследовании А. Reid и К. Deaux, которые на основе анализа полученных эмпирических данных предположили, что в формировании личностной идентичности существенную роль играет не только индивидуальный опыт, но и социальные представления, распространенные в культуре (Reid A., Deaux K., 1996).

Прямо противоположного мнения придерживаются Е. S. Abes и S. R. Jones, авторы многомерной модели идентичности, которая описывает структуру и динамику формирования идентичности личности (см. рисунок 1).

*Рисунок 1. Многомерная модель идентичности
(Abes E. S., Jones S. R., 2004)*

В качестве измерений идентичности эта модель включает в себя расу, гендер, сексуальную ориентацию, религиозные убеждения, принадлежность к той или иной культуре и социальному классу. Соотношение этих измерений графически представлено в виде пересечения колец, поскольку, по мнению авторов, ни одно из измерений идентичности не может быть понято обособленно, в отрыве от других измерений. В центре данной модели находится ядро – «чувство Я», личностная идентичность человека. Воздействие внешних факторов (семейных, профессиональных, социокультурных и т.д.) приводит к изменениям в содержании тех или иных измерений идентичности. При этом степень влияния внешних («контекстных») факторов определяется различными характеристиками осмысления человеком собственной жизни: устойчивостью, глубиной и др. и регулируется личностными идентификациями человека, которые, таким образом, получают приоритет над социальными.

Таким образом, можно констатировать, что на современном этапе развития социальной психологии проблемы соотношения социальной и лич-

ностной идентичности человека остаются нерешенными. Наиболее распространенной на сегодняшний день является точка зрения о том, что социальная и личностная идентичности являются взаимодополняющими, а не противоречащими друг другу компонентами идентичности человека.

Итак, можно утверждать, что:

- идентичность является актуальным состоянием, текущим переживанием Я-целостности в определенный момент жизненного пути. Она формируется посредством механизма идентификации;
- формирование идентичности происходит на протяжении всей человеческой жизни и сопровождается кризисами – конфликтами между сложившимся содержанием идентичности и актуальной социальной ситуацией.
- содержание идентичности не только индивидуально-личностно, но и конкретно-исторично;
- личностный и социальный компоненты идентичности личности находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, однако специфика их взаимосвязей на сегодняшний день остается дискуссионным вопросом.

1.2. Социальная идентичность личности

Перейдем теперь к характеристике непосредственного объекта нашего исследования - социальной идентичности.

Понятие социальной идентичности описывает то, как другие люди определяют человека на основе широких социальных категорий или признаков, таких как возраст, профессия или этническая принадлежность (Dashefsky A., Shapiro H., 1976). Это те компоненты «Я» человека, которые переживаются им на уровне осознания принадлежности к какой-либо группе (Hunter J. A., 1998).

Социальная идентичность – это результат процесса социальной идентификации, под которым понимается процесс определения себя через членство в социальной группе (Павленко В.Н., Корж Н.Н., 1998; Баранова Т.С., 1993).

Социальная идентификация выполняет важные функции как на групповом, так и личностном уровне: именно благодаря этому процессу общество получает возможность включить индивидов в систему социальных связей и отношений, а личность реализует базисную потребность групповой принадлежности, обеспечивающей защиту, возможности самореализации, оценки другими и влияния на группу (Ядов В.А., 1993).

Одним из первых о важности социальной идентичности заговорил Курт Левин (1948), который полагал, что человек нуждается в прочном ощущении групповой идентификации, чтобы сохранять ощущение внутреннего благополучия.

Практически ни одно из основных теоретических направлений социальной психологии XX века не обошло своим вниманием данный феномен, предлагая собственные взгляды на проблему социальной идентичности.

Весьма значительный вклад в разработку проблемы социальной идентичности внес, конечно же, психоанализ. И здесь мы вновь не можем не упомянуть имя Эрика Эриксона – психоаналитика, благодаря которому термин «идентичность» получил статус самостоятельной научной категории.

Э. Эриксон разработал концепцию психосоциальной идентичности, которая близка к современному пониманию феномена социальной идентичности. С точки зрения Эриксона (1976), только часть идентичности осознаваема, часть находится в области предсознания, а по большей части она расположена в бессознательном, может даже подвергаться вытеснению. Психосоциальная идентичность – продукт взаимодействия между обществом и личностью. В качестве опосредующего инструмента идентификации выступает «идеология» – систематизированная совокупность идей и идеалов. В своей работе «Понятие идентичности в межрасовом взаимодействии» Эриксон формулирует концепцию отрицательной идентичности, основными компонентами которой являются следующие положения:

1. Психологическая идентичность каждого человека содержат иерархически организованные позитивные и негативные элементы. В детстве человек сталкивается не только с идеалами, но и с прототипами зла. Таким образом личность получает представление о том, кем она не должна стать. Позитивная идентичность находится в состоянии вечного конфликта с идентичностью негативной.

2. У человека, принадлежащего к подавляемому меньшинству, происходит смешение собственной негативной идентичности с отрицательными образами этого меньшинства, сложившимися у доминирующей группы, в результате чего развивается чувство неполноценности и ненависти к себе.

3. Доминирующая группа отчасти заинтересована в сохранении такой негативной идентичности меньшинства, поскольку она служит защитой от осознания большинством своей собственной негативной идентичности. Эта защита позволяет большинству чувствовать свое превосходство и целостность (Erikson E.H., 1976).

Ученые бихевиористской ориентации, в частности, М.Шериф, исследовали влияние функциональной взаимозависимости между группами на межгрупповые отношения. В ходе проведенных экспериментов было установлено, что бъективный конфликт интересов приводит к проявлению негативных аутгрупповых стереотипов и в то же время способствует внутригрупповой сплоченности и поддержке. Д.Кэмпбелл развил формулировки Шерифа и обосновал теорию межгруппового конфликта.

В рамках символического интеракционизма основы исследования социальной идентичности были заложены работами Ч. Кули и Дж. Мида. Дж. Мид рассматривал идентификацию как результат социального взаимодействия. В качестве инструмента идентификации индивида с группой он вводит понятие «обобщенный другой». Последователь Дж. Мида - Р. Томе – изучал

взаимосвязь Я-концепции с представлениям о другом. С точки зрения ученого, Другой играет решающую роль в процессе становления идентичности, присутствие Другого включается в осознание себя, которое никогда не отделено от осознания Другого как партнера.

В работах ярчайшего представителя французской школы социальной психологии С.Московичи предложена гипотеза об организации сознания индивида по типу идентификационной матрицы как особой категориальной подсистемы в системе знаний субъекта. Основу идентификационной матрицы составляет множество принадлежностей: общечеловеческая, половая, религиозная, этническая, профессиональная и т.д.. Идентификационная матрица «распределяет» поступающую информацию по категориям, с которыми человек себя отождествляет.

В отечественной социальной психологии проблема социальной идентичности разрабатывалась в рамках деятельностного подхода. Работы В.С.Агеева (1990) показали, что процесс идентификации индивида с группой возникает не спонтанно, а определяется структурой межгрупповой деятельности.

Однако анализ литературных источников показывает, что современные исследования социальной идентичности базируются на двух основных теориях, разработанных в рамках когнитивистской парадигмы: теории социальной идентичности Н.Tajfel и J.Turner (1979), а также теории самокатегоризации J.Turner (1982). Остановимся немного подробнее на характеристике этих концепций социальной идентичности, поскольку именно они в значительной мере послужили теоретической основой проведенного нами исследования.

Н.Tajfel и J.Turner (1979) определили социальную идентичность как «те аспекты «образа Я» человека, которые возникают из социальных категорий, к которым он ощущает свою принадлежность» (с. 40).

Теория социальной идентичности строится на следующих общих положениях:

1. Люди стремятся удерживать или повышать свою самооценку, то есть стремятся к позитивной «Я-концепции».
2. Социальные группы или категории и членство в них связаны с позитивным или негативным ценностным смыслом, поэтому социальная идентичность может быть позитивной или негативной, исходя из оценок тех групп, которые участвуют в создании социальной идентичности человека.
3. Оценка своей собственной группы определяется при соотнесении с другими конкретными группами путем социального сравнения значимых свойств и характеристик.

Таким образом, в своей теории авторы подчеркивают, что социальная идентичность – это результат процесса социальной категоризации, под которым понимается фундаментальный когнитивный процесс, который позволяет нам организовывать информацию об окружающем мире. Категоризация подразумевает акцентирование различий между категориями и смягчение различий между элементами внутри одной категории (так называемый принцип метаконтраста). Будучи однажды категоризированы как члены определенной

социальной группы, члены данной группы будут стремиться сохранять или достигать четкой и позитивной социальной идентичности. Это может происходить путем социального соревнования и дискриминации (Amiot C. E., de la Sablonnière R, Terry D. J., Smith J. R., 2007).

Еще одной важной чертой теории социальной идентичности является то, что она проводит четкую грань между социальной идентичностью (описанием «Я», основанном на осознании членства в определенной социальной группе) и личностной идентичностью (частью «Я», описываемой в терминах уникальных личностных черт и близких межличностных отношений). Групповое и межгрупповое поведение (например, этноцентризм, ингрупповой фаворитизм, межгрупповая дискриминация, конформность, нормативное поведение, стереотипизирование, сплоченность) имеют место только тогда, когда именно социальная идентичность выступает на первый план в структуре Я-концепции личности, что определяется особенностями контекста и ситуации. Согласно теории социальной идентичности, групповые процессы (особенно процессы, протекающие в больших социальных группах), не могут быть полностью поняты или объяснены, исходя лишь из процессов межличностного взаимодействия (Hogg M., Williams K., 2000).

Теория самокатегоризации делает больший акцент на когнитивных процессах, вовлеченных в процесс самоопределения и самоинтерпретации. Turner (1982) признает, что каждый человек принадлежит к нескольким социальным группам, в разработанной им теории больший акцент делается на том, почему личность идентифицируется с определенной социальной категорией в определенной ситуации, и какие ситуационные факторы объясняют подобные идентификационные «флуктуации». Для того, чтобы предсказать, с какой именно социальной категорией личность будет идентифицироваться в определенной ситуации, теория самокатегоризации предполагает, что для того, чтобы определенная социальная идентичность стала доминирующей, необходимо не только, чтобы межгрупповые различия были больше, чем внутригрупповые (принцип метаконтраста), но и объективные различия между группами должны совпадать (или соответствовать) с ожидаемыми стереотипизированными характеристиками этих групп (принцип нормативного соответствия) (J. Turner , 1982).

Таким образом, в процессе социальной категоризации субъект восприятия старается подчеркнуть различия, существующие между членами ингруппы, с одной стороны, и членами аутгруппы - с другой, чтобы установить свою социальную идентичность. Процесс выделения значимых различий между ингруппой и аутгруппой является причиной таких эффектов как ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация, эффекты гомогенности аутгруппы и «черной овцы» (Гулевич О.А., Онучин А.Н., 2002)

В теории самокатегоризации подчеркивается изменчивость, подвижность социальной идентичности, ее зависимость от контекста (Turner K. L., Brown C. S., 2007).

Описывая содержание социальной идентичности, можно выделить такую важнейшую ее составляющую, как социальные стереотипы. Под соци-

альным стереотипом обычно понимают упрощённый, схематический, эмоционально-окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с лёгкостью распространяемый на всех её представителей (Агеев В.С., 1986). Другими словами, социальные стереотипы – это представления о характеристиках, свойствах и поведении членов определенных социальных групп (Hilton, J. L., von Hippel, W., 1996).

В научный терминологический аппарат понятие стереотипа вошло благодаря американскому журналисту У.Липпману, который в опубликованной в 1922 году работе «Общественное мнение» впервые употребил этот термин, понимая под ним конструируемые в обществе образы людей из других групп, которые призваны объяснить поведение этих людей и дать ему оценку. С точки зрения Липпмана, стереотипы представляют собой избирательный и неточный способ восприятия действительности, ведущий к ее упрощению и порождающий предрассудки.

Основатель теории социальной идентичности Tajfel H. Говорил о роли стереотипизации в процессах категоризации, составляющих основу формирования социальной идентичности. С точки зрения Tajfel H., социальные стереотипы выполняют важные функции: оправдательную, объяснительную и функцию социальной дифференциации. Tajfel H. подчеркивает, что стереотипы – это разделяемые многими людьми образы социальных групп, поэтому любой анализ стереотипов должен учитывать их существование в массовом сознании, следовательно, исследование стереотипов неизбежно ведет к исследованию межгрупповых отношений и коллективному самоопределению личностей в качестве членов определенной социальной группы (Hogg M., Williams K., 2000).

Результаты множества исследований подчеркивают, что автостереотипы (обобщенные представления о собственной группе) в большинстве случаев оказываются гораздо позитивнее гетеростереотипов (представлений об аутгруппе) (см., например, Лебедева Н.М., 1999). Более того, гетеростереотипы скорее будут отягощены негативными коннотациями, чем автостереотипы, даже если содержащиеся в них характеристики являются положительными с объективной точки зрения. Как отмечал Г.Олпорт, «личностные качества, которыми восхищаются в Аврааме Линкольне, вызывают презрение, если они приписываются евреям» (цит. по Hilton, J. L., von Hippel, W., 1996).

Однако, как показывают данные современных исследований, такое яркое проявление ингруппового фаворитизма характерно для ранних стадий членства индивида в определенной социальной группе: то есть до того, как человек получит более исчерпывающую информацию об этой группе (Gramzow R. H., Gaertne L., 2005).

Говоря о современном состоянии исследования проблемы социальной идентичности, необходимо отметить, что с конца 80-х годов в социальной психологии наблюдается огромный интерес к данному феномену, публикуется множество работ на эту тему. Это направление исследований оказало существенное влияние на возрождение научного интереса к проблемам групповых процессов (Hogg M., Williams K., 2000).

Отечественные исследователи, естественно, не обходят своим вниманием проблему изменений, которые претерпевает социальная идентичность в современном российском обществе.

В частности, исследования Н.М.Лебедевой (1999) показывают, что в современных условиях происходят изменения во всех процессах самоидентификации. Изменяются не только социальные категории, к которым человек может себя причислить, но и суть процессов самоидентификации, их направленность и цели. Исследовательница выделяет основные вектора изменений системы и принципов самоидентификации:

- От стабильности к неустойчивости, диффузности, неопределенности.
- От унифицированности к разнообразности.
- От глобальности к артикулированности, детализации.
- От потребности в самоуважении к потребности в смысле (правде).
- От оценочной полярности к антиномичному единству.

В данной работе также показано, что возрастает роль личности в процессах самоидентификации, поскольку личностная идентичность в условиях социальной нестабильности оказывается более устойчивой категорией, чем социальная. Именно личность выбирает способ разрешения кризиса идентичности. Зрелость личности способствует разрешению кризиса путем восстановления утраченного внутреннего баланса и самотождественности. Незрелость приводит к активизации механизмов психологической защиты и углублению кризиса.

Феномен кризиса социальной идентичности описывают также и другие отечественные исследователи. В частности, Павленко В.Н., Корж Н.Н. (1998), с точки зрения которых кризис социальной идентичности проявляется в том, что люди не соотносят себя ни с одной из социальных групп.

Hogg M., Williams K. (2000) выделяют следующие направления для современного развития теории социальной идентичности:

- исследование мотивационной основы процессов, связанных с социальной идентификацией, включая анализ роли снижения неопределенности и его связи с самооценкой;
- более глубокое изучение процессов групповой дифференциации, опосредованных социальной идентификацией: лидерства, выделения подгрупп, межличностных отношений;
- включение процессов социальной идентификации в более широкий социальный контекст, включая более детальный анализ процесс межгруппового размежевания и детерминант выбора различных стратегий внутригруппового поведения.

Еще одна тенденция, характерная для современного этапа развития теории социальной идентичности – усиление роли междисциплинарного подхода в анализе данного феномена.

Hogg M., Ridgeway C. (2003) (редакторы специального выпуска журнала «Social Psychology Quarterly», посвященного феномену социальной идентичности) выделяют три «исследовательских поля» для изучения социальной

идентичности, которые требуют объединения психологического и социологического подходов:

- экспликация значения и функций личностной идентичности и ее связей с социальной идентичностью и прочими формами коллективного Я;
- переосмысление социальной идентичности в качестве «многополюсного универсума интерактивных сетей», объединяющих тех членов группы, которые связаны особой корпоративной идентичностью внутри самой группы. Тем самым группы и их идентичности рассматриваются не как монолитные и гомогенные, а как феномен, черпающий свою определенность из разнообразия его составляющих его различных форм и определяющий это разнообразие;
- изучение путей и способов влияния групп на составляющих эти группы индивидов.

В зарубежной, а в последние годы и в отечественной психологии в последние годы получил широкое распространение социально-конструктивистский подход к исследованиям социальной идентичности. Социальный конструктивизм – это относительно новая объяснительная парадигма социальных феноменов и процессов, берущая свое начало в философии постмодернизма. Родоначальник социального конструктивизма американский психолог К. Герген следующим образом формулирует базовые теоретические положения собственной концепции:

1. Знание о социальной жизни следует рассматривать не как «отражение» внешней реальности, а как трансформацию опыта в лингвистическую, языковую реальность.
2. Поведение человека не нужно пытаться объяснять на основании неких неизменных законов, поскольку он действует, исходя из принимаемых произвольно, свободно и автономно решений.
3. Знание о социальном поведении (нормах и правилах) и знание об этом знании следует рассматривать не как процесс накопления, а как процесс бесконечного исторического пересмотра, обусловленного постоянными изменениями социокультурного контекста.
4. Теория, в том числе и в социальной психологии, - это не просто систематизация знаний, а средство преобразования действительности.
5. Никакое знание не может быть ценностно свободным, а этическим проблемам следует уделять все большее внимание при исследовании поведения человека. (Шихирев П.Н., 1999).

Эти теоретические положения позволяют говорить, что «образ Я - это не частная собственность, а нечто, принадлежащее отношениям как продукт социального обмена» (Якимова Е.В., 1999, с. 41). Создавая свой собственный образ, человек применяет набор языковых конструкторов, существующих в его культуре, которые и определяют его действия в контексте социальных отношений с другими людьми. При этом элементы Я-образа, в том числе и содержания социальных идентификаций, открыты изменениям вслед за изменением социального взаимодействия людей. Они могут отвечать или не от-

вечать распространенным в культуре представлениям и, в соответствии с этим, считаться адекватными или отклоняющимися от нормы.

Как отмечает Е.В. Якимова, «многообразие жизненных событий и ситуаций, в которых приходится участвовать индивиду, не соответствует традиционному пониманию личной идентичности как раз и навсегда приобретенного, устойчивого внутреннего ядра или состояния сознания. Индивиду, погруженному в пучину самых разных социальных отношений, требуется не глубинное, вечное "подлинное" Я, а потенциал для коммуникации и самопрезентации» (Якимова Е.В., 1999, с. 42). Идентичность в парадигме социального конструктивизма рассматривается как продукт социальных отношений. Данный подход весьма перспективен, поскольку позволяет объяснить разнообразие социальных идентификаций, являющихся нормативными для своих исторических эпох и культурных пространств.

Подводя итог, мы можем отметить, что:

- Социальная идентичность – это феномен, возникающий на основании осознания личностью своей принадлежности к разнообразным социальным группам, в которые человек включается в ходе своей жизнедеятельности.
- Проблема социальной идентичности в последние десятилетия привлекает все большее внимание ученых, которые по-разному описывают ее природу и механизмы формирования.
- На наш взгляд, вполне обоснованными выглядят теории социальной идентичности, разрабатываемые в рамках когнитивистской ориентации в парадигме социального конструктивизма. Именно на них мы в значительной степени основывали и собственный подход к данному феномену.

1.3. Социальные группы как объекты и субъекты социальной идентификации

С точки зрения современной социальной психологии, понятие социальной идентичности является центральным для понимания межгрупповых отношений. Именно социальная идентичность – это ключевой момент, объединяющий личность и социальную группу, к которой личность принадлежит. Очевидно, что социальные группы – это крайне неоднородный феномен, они различаются по самым разнообразным параметрам и характеристикам, поэтому логично было бы предположить, что специфика процесса социальной идентификации определяется свойствами тех конкретных групп, к которым принадлежит личность.

И действительно, современные социально-психологические исследования убедительно показывают, что отдельные параметры групп оказывают крайне существенное влияние на процесс формирования социальной идентичности и ее качественные характеристики. Одним из таких параметров, существенных с точки зрения формирования социальной идентичности, оказывается статус группы.

Теория социальной идентичности помогает понять закономерности, по которым разворачивается внутригрупповое взаимодействие в высоко- и низкостатусных группах. Теория социальной идентичности предполагает, что когнитивные и мотивационные процессы опосредованы идеологическими и структурными характеристиками социального мира (Verkuyten M., Reijerse A., 2006).

Теория социальной идентичности выделяет три фактора, определяющих реакцию личности на иерархию статуса: это представления об устойчивости и законности существующей системы статусов, а также характер границ группы. Именно эти переменные определяют реакции людей стратегии групповой дифференциации.

Устойчивость – это мера, в которой позиции в группе считаются изменяемыми. Легитимность – это степень, в которой статусная структура принимается в качестве законной. Наконец, проницаемость границ показывает, в какой мере члены группы могут покинуть ее и присоединиться к другой социальной группе. Воспринимаемые устойчивость, легитимность и проницаемость границ будут определять когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции на происходящее в группе и формировать стратегии достижения позитивной идентичности. Однако здесь нельзя упускать из поля внимания исследователя более широкий социальный контекст, поскольку, как подчеркивает Теджфел, эти социо-структурные параметры всегда проявляют себя в рамках определенного исторического, политического и идеологического контекста (Verkuyten M., Reijerse A., 2006).

Значение и последствия таких характеристик, как стабильность, легитимность и проницаемость границ зависит от позиции группы в социальной структуре. Например, проницаемость групповых границ может создавать возможности для членов низкостатусных групп повысить свое социальное положение, но в то же время являться угрозой сохранения внутригрупповой идентичности для доминирующей группы. (Verkuyten M., Reijerse A., 2006)

Как показывают результаты исследований усиление идентификации с группой связано с повышением восприятия дискриминации собственной группы со стороны аут-групп, в этом случае социальная идентичность играет роль своеобразного буфера, защищающего психологическое благополучие личности от негативного воздействия дискриминационных практик (Turner K. L., Brown C. S., 2007).

Принято считать, что члены высокостатусных социальных групп часто меньше задумываются над своим групповым членством, чем члены низкостатусных групп, поскольку членство в высокостатусных группах рассматривается как некий эталон, с которым другие социальные группы должны сравнивать собственную идентичность (Turner K. L., Brown C. S., 2007).

Членство в низкостатусных, дискриминируемых, стигматизируемых группах приводит к формированию негативной социальной идентичности. В этом случае люди прибегают к различным стратегиям достижения позитивной социальной идентичности. Как отмечают Tajfel H., Turner J. (1979), когда социальная идентичность неудовлетворительна, индивиды стремятся или по-

кинуть свою группу и присоединиться к более высоко оцениваемой, или сделать свою группу более позитивной воспринимаемой.

Взаимоотношение между дискриминацией и социальной идентичностью группы может быть опосредовано предшествующей высокой или низкой значимости данной идентификации в социальной идентичности личности. Например, Deaux and Ethier (1998) обнаружили, что только латиноамериканские студенты со слабо выраженной этнической идентичностью снижали ее значимость (то есть начинали ощущать меньшую связь со своей этнической группой) после восприятия угрозы, связанной с их этнической принадлежностью. Для студентов с сильно выраженной этнической идентичностью подобная угроза приводила к еще большему укреплению идентификации со своей этнической группой (Turner K. L., Brown C. S., 2007).

Еще одной важной характеристикой, опосредующей процесс групповой идентификации, является размер группы. С одной стороны, чем меньшей воспринимается группа, тем больше ее члены проявляют дискриминирующее поведение по отношению к соответствующей аутгруппе большинства, а с другой, члены группы большинства действуют по отношению к аутгруппе меньшинства более дискриминирующе, чем члены группы меньшинства по отношению к членам большинства (Гулевич О.А., Онучин А.Н., 2002).

Среди проблем, привлекающих внимание современных исследователей, необходимо отметить изучение механизмов формирования социальной идентичности в малых группах. По мнению Postmes T., Lee A. T., Novak R. J. (2005), социальная идентичность в таких группах может быть основана как на идиосинкразических вкладах их членов, так и на результатах предшествовавших социальных категоризаций. Авторы предполагают, что в группах, объединяющих реально взаимодействующих индивидов, социальная идентичность может строиться по двум основным моделям: дедуктивной и индуктивной. В первом случае группа выделяется из окружающей социальной среды на основании какого-то общего признака (или ряда признаков). Это может быть какая-то врожденная характеристика (например, цвет кожи), аттитюд (например, политические взгляды), общие интересы, цели, принадлежность к одной организации. Важно отметить, что в этом случае члены группы не должны испытывать друг к другу симпатию, или осознавать какое-то личностное сходство. Скорее, составляющие группу индивиды признают и разделяют определенный общий признак, который имеет значение на надиндивидуальном уровне и в рамках контекста внутригруппового взаимодействия (то есть свойства, сформированные историческими и социо-культурными факторами и групповой динамикой). Исходя из этого, члены группы затем выводят набор параметров, формирующих групповую идентичность, которая включает в себя совокупность стереотипов и норм. Таким образом, процесс конструирования идентичности идет в этом случае сверху вниз, надиндивидуальные признаки «прикладываются» к собственной личности, групповым нормам и стереотипам, таким образом формируя границы, в рамках которых члены группы в продолжают формирование собственной идентичности.

Во втором случае формирование групповой идентичности идет «снизу вверх» (посредством коммуникации), и, таким образом, является следствием индивидуальных проявлений членов группы (то есть выражения идиосинкратических позиций). Таким образом, именно в результате процесса индукции индивидуальные действия членов группы (как обычных, так и лидеров) могут формировать групповую идентичность. Индуктивная идентичность может основываться как на межличностном сходстве, так и на индивидуальных различиях. Существуют разнообразные пути, с помощью которых внутригрупповое взаимодействие может формировать содержание социальной идентичности. Хорошо известно, что наблюдение за действиями члена ин-группы очень часто приводит к лучшему осознанию норм и правил группового поведения. Кроме того, члены группы могут активно обсуждать проблему идентичности. Как ни удивительно, разнообразие также может напрямую приводить к солидарности. Для этого существует несколько путей. Сама по себе способность индивидуализировать другого – это показатель сформированной групповой идентичности. Группа может проинтерпретировать проявление различий как знак доверия со стороны индивида. Наконец, проявление различий может усилить способности группы к координированным действиям и повысить ее эффективность, тем самым способствуя появлению чувства коллективной власти.

Очевидно, что социальная идентичность не только опосредуется разнообразными свойствами и характеристиками групп и групповых процессов, но и сама является важнейшим фактором, оказывающим влияние на групповую динамику. Например, эксперимент Van Vugt M. и Hart C. M. (2004) показывает, что социальная идентичность играет роль своеобразного «социального клея», обеспечивая стабильность групп, распавшихся бы без действия данного фактора.

Завершая данный раздел, подчеркнем, что:

- Когнитивная и мотивационная сфера конкретной личности опосредована характеристиками тех социальных групп, с которыми она себя идентифицирует.
- Социальная идентичность не только формируется под влиянием различных групповых свойств и процессов, но и сама оказывает влияние на внутригрупповую динамику и процессы межгруппового взаимодействия.
- Теории социальной идентичности описывают в качестве объектов и субъектов идентификации не только большие, но и малые социальные группы. В нашем исследовании сделан акцент на идентификации личности с большими социальными группами, поскольку, на наш взгляд, именно в ней преломляются социальные отношения, опосредующие впоследствии взаимоотношения в малых группах.

1.4. Смысловая природа социальной идентичности

Вопрос о том, какова природа социальной идентичности, крайне важен не только в сугубо теоретическом, но и в методическом плане, поскольку ответ на него определяет логику отбора исследовательских средств в рамках данной проблематики, а также наиболее предпочтительные направления психологической помощи людям в соответствующем контексте.

В нашей работе мы исходим из представления о том, что идентичность – это психологический феномен, обладающий природой смысла.

Действительно, социальная реальность, которая предоставляет человеку ориентиры для социальной идентификации (как впрочем, и предметная), даны субъекту познания исключительно как эффекты отражения, а, следовательно, являются его собственным психическим содержанием, представленным исключительно в его внутреннем мире (Агафонов А.Ю., 2000). Иными словами, социальная реальность для конкретного человека субъективна, причем субъективность в этом контексте означает не искажение объективности, а своеобразную форму созидания реальности (Слободчиков В.И. Исаев Д.И., 1995).

В отечественной психологии единицей анализа субъективного отражения объективной (в нашем случае, социальной) реальности смысл как отражение жизненных отношений субъекта смысл как отражение жизненных отношений субъекта (Гордеева Н.Д., Зинченко В.П., 1982; Братусь Б.С., 1988; Доценко Е.Л., 1997; Леонтьев Д.А., 1999).

Функционально смысл представляет собой момент субъективного установления связи потребностей человека с предметной и инструментальной сторонами деятельности. Непосредственным источником смысла являются потребности и мотивы личности (Вилюнас В.К., 1976; Леонтьев Д.А., 1999; Соколова Е.Т., 1980; Шмелев А.Г., 1983). Обобщенной характеристикой смысловых образований является то, что они отражают не объективные свойства вещей, а их отношение к удовлетворению потребностей субъекта, благодаря чему эмоциональные переживания открывают субъекту смысл предмета потребности. Таким образом, смысл как отношение между субъектом и объектом действительности, которое определяется местом объекта в жизни субъекта, выделяет этот объект в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (Леонтьев Д.А., 1999).

Экстраполируя эти теоретические положения на процесс и результат социальной идентификации, мы можем констатировать, что идентификация с той или иной социальной группой предполагает осмысление человеком ее места в структуре общественных отношений, характеристик, уподобляющих ее другим социальным группам и отличающим от них, норм и правил поведения, ценностей данной группы. В основе такой идентификации, как уже отмечалось выше, лежат потребности личности в групповой принадлежности, обеспечивающие возможность самореализации. Выбор этих социальных групп как объектов идентификации не предопределен жестко системой об-

психических отношений, существующих в обществе. Человек, осмысливая социальную реальность в широком смысле и свои отношения с окружающими людьми, идентифицируется с теми социальными группами, членство в которых отвечает тем или иным его потребностям. Особенно очевидно это становится в те периоды жизни человека, которые условно можно назвать «кризисами социальной идентичности», когда человек на фоне происходящих в его жизни изменений становится перед выбором одной из нескольких альтернативных социальных идентификаций: считать себя взрослым или пожилым, педагогом или домохозяйкой, петербуржцем или провинциалом.

Следует отметить, что признание за феноменом социальной идентичности смысловой природы отнюдь не означает утверждения, что идентификационный процесс, а также актуальное содержание социальной идентичности личности носят исключительно осознанный характер. Если в классических трудах А.Н. Леонтьева, а также в работах его последователей смысл понимается исключительно как продукт сознания, делающий доступным сознанию субъективное значение тех или иных действий и ситуаций (Асмолов А.Г., 1979; Голенков С.А., 1996; Леонтьев А.Н., 1975), то многие современные исследователи рассматривают смысл не только как феномен сознания, но и как феномен бессознательной психики (Агафонов А.Ю., 2000; Налимов В.В., Дрогалина Ж.А.; 1985; Соколова Е.Т., 1989; Чхартишвили Ш.Н., 1978). Весьма вероятно, что большая часть содержания социальных идентификаций конкретной личности в подавляющем большинстве случаев находится за пределами ее сознания, и актуализируется только при столкновении личности с теми или иным социальными объектами и ситуациями. Можно сказать, что в первом случае результат осмысления субъектом социальной реальности находится в свернутом, не представленном в сознании виде, но это отнюдь не означает, что данный социальных идентификаций не существует в принципе.

Итак, подводя промежуточные итоги, мы можем отметить, что:

- Социальная идентичность личности формируется в процессе взаимодействия личности с социальной реальностью, в процессе которого эта реальность субъективно осмысливается в соответствии с системой жизненных отношений и потребностей. Это позволяет утверждать, что социальная идентичность обладает смысловой природой.
- Содержание различных компонентов социальной идентичности личности не представлено в полном объеме в его сознании, оно существует в виде «свернутых смыслов» и может актуализироваться при взаимодействии человека с теми или иными социальными объектами.

1.5. Компоненты социальной идентичности

Очевидно, что личность одновременно является членом многих социальных групп, и принадлежность к различным группам имеет различное значение для формирования социальной идентичности.

Значимость идентификации с определенной группой не статична, она изменяется с течением времени и в зависимости от актуальной ситуации. Одним из таких ситуационных факторов, влияющих на относительную значимость различных компонентов социальной идентичности, является то, ассоциируется этот компонент с позитивным или негативным исходом конкретной ситуации. Tajfel and Turner утверждают, что, когда членство в определенной группе воспринимается как негативное или несущее угрозу (например, в ситуации дискриминации), индивиды могут отстраняться от низкостатусной группы или снижать значимость идентификации с такой группой для сохранения позитивности собственной Я-концепции. Как показывают исследования, афроамериканские подростки, которые считают, что их расовая группа оценивается негативно, демонстрируют более низкий уровень этнической идентификации, чем афро-американские подростки, которые не считают, что африканцы вызывают негативное отношение (Turner K. L., Brown C. S., 2007).

Психологическая значимость социальной идентичности как основания категоризации себя и других является функцией взаимодействия пяти факторов: а) стремления индивида к самоподтверждению или самооценке (снижению неопределенности); б) ситуационной доступности специфических социальных категоризаций; в) доступности специфических социальных категоризаций, хранящихся в памяти; г) степени, в которой специфическая категоризация соответствует воспринимаемым в данный момент сходствам и различиям между людьми (структурное или сравнительное соответствие); д) степени, в которой специфическая категоризация соответствует реальному поведению других людей (нормативное соответствие). Та категоризация, которая доступна либо в актуальном восприятии, либо в памяти, которая повышает самооценку или снижает неопределенность, которая позволяет понять поведение других людей и в то же время соответствует воспринимаемым сходствам и различиям между людьми, по всей вероятности, и станет ведущей (Hogg M., Williams K., 2000).

Как показывает множество исследований, гендерная и этническая идентичность являются центральными компонентами в структуре социальной идентичности личности (Turner K. L., Brown C. S., 2007), поскольку именно принадлежность к этническим и гендерным группам представляет собой наиболее очевидные основания для категоризации. Наряду с гендерной и этнической, мы рассматриваем также возрастную, профессиональную и городскую идентичности, которые, с нашей точки зрения, связаны с важнейшими аспектами социального бытия личности.

Гендерная идентичность

Гендерная идентичность – осознание своей принадлежности к мужскому или женскому полу (Кон И.С., 1999), данное понятие обозначает аспект самосознания личности, описывающий переживание человеком себя как представителя пола, как носителя конкретных полоспецифических характеристик и особенностей поведения, соотносимых с представлениями о маскулинности / фемининности (Клецина И.С., 2004).

Гендерная идентичность является продуктом социального конструирования (Ярская-Смирнова Е. Р., 1998). Она начинает формироваться с рождения ребенка, когда на основании строения его наружных половых органов определяется его паспортный (гражданский, акушерский) пол. С этого начинается процесс гендерной социализации, в ходе которого ребенка целенаправленно воспитывают таким образом, чтобы он соответствовал принятым в данном обществе представлениям о «мужском» и «женском». Именно на основании существующих в обществе эталонов формируются представления ребенка о собственной гендерной идентичности и роли, его поведение, а также самооценка (Клецина И.С., 2004).

Первичное представление о собственной половой принадлежности формируется у ребенка уже в полтора года, причем именно это представление занимает место наиболее устойчивого и стержневого компонента самосознания. С возрастом гендерная идентичность развивается, происходит расширение ее объема и усложнение структуры. Двухлетний ребенок знает свой пол, но еще не может определить причины своего выбора.

В три-четыре года он уже способен осознанно определять пол окружающих людей, но зачастую связывает его с внешними, случайными признаками, кроме того, половая принадлежность считается детьми данного возраста изменяемой характеристикой. Необратимость половой принадлежности осознается детьми примерно к 6-7 годам, что сопровождается усилением половой дифференциации поведения и установок. Следующий важнейший этап формирования гендерной идентичности – это подростковый возраст. Подростковая гендерная идентичность становится центральным компонентом самосознания. Гендерная идентичность взрослого человека представляет собой сложноструктурированное образование, включающее, помимо осознания собственной половой принадлежности, сексуальную ориентацию, «сексуальные сценарии», гендерные стереотипы и гендерные предпочтения (Кон И.С., 1998).

В структуре гендерной идентичности можно выделить следующие компоненты: когнитивный (познавательный) – осознание принадлежности к определенному полу и описание себя с использованием категорий мужественности-женственности; аффективный (оценочный) – оценка психологических черт и особенностей ролевого поведения на основе их соотнесения с эталонными моделями маскулинности-фемининности; конативный (поведенческий) – самопрезентация себя как представителя гендерной группы, а также способы разрешения кризисов идентичности на основе выборов вариан-

тов поведения в соответствии с личностно значимыми целями и ценностями (Клецина И.С., 2004).

В модели, разработанной Egan and Perry (2001) выделяется пять компонентов гендерной идентичности: знание своей гендерной принадлежности, гендерная типичность (воспринимаемая степень сходства с представителями собственного пола), удовлетворенность своей гендерной принадлежностью, ощущаемое давление со стороны сверстников, родителей и собственной личности в сторону соответствия гендерным нормам и внутригрупповая предвзятость (представление о превосходстве своего пола над другим).

В современной психологии большое внимание уделяется феномену кризиса гендерной идентичности, под которым понимается невозможность достижения внутренней согласованности, самоактуализации и внешнего подтверждения гендерной идентичности. Кризис гендерной идентичности включает в себя рассогласование внутренних компонентов гендерной идентичности (гендерных представлений, гендерной самооценки и гендерных планов, способов и структур поведения), а также рассогласование внутренних составляющих гендерной идентичности с внешними гендерными пространствами, включающими в себя гендерные стереотипы и эталоны, гендерную телесность и гендерные роли (Ожигова Л.Н., 2006).

Как показывают результаты исследований, конструктивное разрешение кризиса гендерной идентичности является важнейшим фактором сохранения психологического благополучия личности. В частности, по данным Y. Cohen (1991), внутриличностные конфликты, связанные с формированием гендерной идентичности, являются фактором риска суицидального поведения у подростков.

Этническая идентичность

Этническая идентичность – это «психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности» (Стефаненко Т.Г., 1999; с. 210).

Phinney J.S. (1990) отмечает, что этническая идентичность – это многомерный конструкт, который включает в себя этнические чувства, знания, установки и поведенческие реакции.

Принадлежность к этнической группе – это особый случай социальной идентичности. Исходя из теории социальной идентичности, можно предположить, что если доминирующая в обществе группа низко оценивает черты или характеристики этнической группы, члены этой этнической группы оказываются перед угрозой негативной социальной идентичности. Идентификация с низко-статусной группой может привести к низкому самоуважению (Phinney J.S., 1990).

В современной отечественной психологии при изучении этнической идентичности делается акцент на тех изменениях, которые происходят в ней в эпоху коренных социальных преобразований (Лебедева Н.М., 1999; Дробинжева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У., 1996; Солдатова

Г.У., 1998; Рыжова С.В., 1995; Павленко В.Н., Корж Н.Н., 1998; Ионин Л.Г., 2000; Сикевиц З.В., 1996).

В частности, современные ученые говорят о кризисе социальной идентичности у русских в ближнем зарубежье, который проявляется в утрате связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, лежащей в основе сбалансированной и непротиворечивой социальной идентичности (Лебедева Н.М., 1999).

Еще одно направление изучения этнической идентичности связано с теорией аккультурации и культурного конфликта.

Этническая идентичность становится значимой только в ситуациях, когда две и более этнических групп находятся в контакте в течение какого-либо периода времени. Для этнически гомогенного общества это бессмысленное понятие. Этническую идентичность можно понимать в качестве одного из аспектов аккультурации, в котором главный акцент делается на человеке и на том, как он взаимодействует со своей этнической группой, являющейся составной частью общества в целом (Phinney J.S., 1990).

В рамках данного направления исследований существуют две модели этнической идентичности: линейная (биполярная) и двумерная. В линейной модели этническая идентичность представляется в континууме от высокого уровня идентификации со своей этнической группой (позитивная или негативная идентичность) до высокого уровня идентификации с чужой этнической группой (измененная или ложная идентичность). В другой модели аккультурация рассматривается в качестве двумерного процесса, в котором можно учитывать и отношения с традиционной или этнической культурой, и отношения с новой или доминирующей культурой, причем эти два вида отношений могут существовать независимо друг от друга. В результате данная модель описывает четыре возможных типа этнической идентичности: моноэтническую идентичность со своей этнической группой, биэтническую идентичность, моноэтническую идентичность с чужой этнической группой и маргинальную этническую идентичность (Стефаненко Т.Г., 1999).

S.Bochner (1982) описывает четыре вида результатов межкультурных контактов для индивида:

- человек может «отбросить» свою культуру, выбрав чужую, и стать «перебежчиком»;
- может «отбросить» чужую культуру и преувеличивать значимость собственной, превратившись в «шовиниста»;
- иногда человек колеблется между двумя культурами и становится «маргиналом», за это ему приходится расплачиваться внутренними конфликтами, противоречиями в собственной идентичности, неспособностью удовлетворить требования двух культур;
- последний вариант — это синтез двух культур, это человек-«посредник», способный выступать в качестве связующего звена между различными культурами и народами.

В отечественной науке данный подход к проблеме этнической идентичности представлен, в частности, в работах Н.М.Лебедевой (1993, 1997),

посвященных психологическому изучению проблем этнических миграций. Признаком «успешной» адаптации к иноэтническому окружению автор считает межэтническую интеграцию, при которой у каждой группы сохраняются собственные этнокультурные особенности, но в то же время формируется общее самосознание, ощущение общего «мы» (реального или условного).

Как показывают результаты исследований процесса развития этнической идентичности, первые представления об этничности дети приобретают довольно рано, еще в дошкольном или раннем школьном детстве (Clark K. B., Clark M.K., 1939, 1940; Piaget J., Weil A.M., 1951; Allport G.W., 1976; Pushkin I., Veness T., 1973; Снежкова И.А., 1982; Титова Т.А., 1996). Для этого периода характерно еще нечеткое осознание общности с представителями своего этноса, немотивированный выбор своей этнической принадлежности, слабые этнические знания. Причем для представителей этнических меньшинств уже в этом возрасте собственная этничность становится нередко источником неприятных переживаний. Так, еврейские и черные дети часто обнаруживали негативные самоустановки, личностные конфликты и ощущение небезопасности (Pushkin I., Veness T., 1973).

Следующий важный этап – это подростковый возраст. На этом этапе большинство детей может объяснить мотивы выбора своей этнической принадлежности (Титова Т.А., 1996), происходит формирование системы представлений и оценок этнокультурных особенностей своей общности по сравнению с иноэтническим окружением (Снежкова И.А., 1982).

Но лишь в ранней юности – 16-17 лет – этнические установки приобретают устойчивость (Pushkin I., Veness T., 1976), укрепляется осознание своей этнической принадлежности, определяется мотивация ее выбора, формируется этническое мировоззрение. Если на предшествующих этапах решающую роль в формировании этнической идентичности играла семья, то в старшем школьном возрасте наибольшее воздействие начинает оказывать школа (Хотинец В.Ю., 2000).

Возрастная идентичность

Возрастная идентичность – это, пожалуй, один из наименее теоретически и эмпирически описанных компонентов социальной идентичности, и на это есть несколько довольно серьезных причин.

Возрастные группы долгое время считались предметом изучения смежных с психологией наук, прежде всего, социологии и демографии. Однако сегодня в связи с появлением новых парадигм гуманитарного мышления происходит переосмысление как самой категории «возраст», выступающей системообразующим признаком для этих общностей, так и сущности самих возрастных групп.

Существенная сложность, с которой сталкиваются психологические исследования, посвященные данной проблеме, кроется в многозначности термина «возраст». С одной стороны, возраст – это индивидуальная особенность человека, которая характеризует онтогенетически обусловленные закономерности его развития («возраст развития»). С другой стороны, возраст – это

набор нормативно-ролевых характеристик, производных от системы разделения труда и социальной структуры общества, который определяет обязательность и доступность различных форм социальной активности для людей того или иного хронологического возраста («социальный возраст»). Кроме того, еще один исследовательский ракурс сосредоточен на том, что каждый человек в большей или меньшей степени разделяет ценности той или иной возрастной субкультуры и причисляет себя к той или иной возрастной категории на основе субъективно переживаемого возраста.

Долгое время в психологии различные возрастные периоды (детство, юность, зрелость, старость) рассматривались как инвариантные этапы жизни, четко зафиксированные в соответствующих демографических категориях и физиологически обусловленных закономерностях развития. В реальности же каждая возрастная ступень представляет собой уникальный культурно-исторический феномен, содержание которого может быть понято только посредством анализа системы возрастного символизма соответствующей культуры, отражающего способы осмысления жизненного пути человека и возрастной стратификации общества (Кон И.С., 1988), что наглядно показано результатами многочисленных культур-антропологических исследований (Мид М., 1988; Леви-Брюль Л., 1990; Фрезер Дж., 1983; Элиаде М., 1996 и др.).

Итак, в современной психологии термин «возраст» применяется для анализа тесно взаимосвязанных, но различных по своей сути явлений – онтогенетического развития человека и жизненного пути личности, и к настоящему времени «возраст как объективная мера физического и психического развития» и «возраст как культурно-конструируемое явление» обозначаются единым термином (в отличие, например, от терминологически разграниченных «пола» и «гендера»).

Анализ феномена возраста через призму социального конструкционизма, который составляет методологическую базу наших теоретических взглядов и эмпирических исследований, позволяет в качестве одного из аспектов этой проблемы выделить рассмотрение возраста в качестве социально-конструируемого феномена, отражения сложившихся в конкретном обществе возрастных отношений. Именно этот ракурс, на наш взгляд, наиболее тесно связан с широким спектром явлений, объединяемых названием «межвозрастные отношения»: межвозрастная преемственность и конфликты, возрастная дискриминация (эйджизм) и др.

В этой связи возрастные группы сегодня привлекают внимание не только социологов и демографов, но и социальных психологов. Ярким подтверждением этому является тот факт, что понятие «возрастная группа» появилось в 5-м издании классического учебника по социальной психологии Г.М. Андреевой, где она понимается как разновидность больших социальных групп, наряду с гендерными и этническими группами, социальными классами.

Г.М. Андреева указывает, что социально-психологические исследования возрастных групп на сегодняшний день довольно фрагментарны, и ана-

лиз их характеристик, как правило, дается при изучении процессов социализации (Андреева Г.М., 2008) и, по нашим наблюдениям, часто осуществляется в тесной связи с изучением закономерностей онтогенеза. На наш взгляд, именно в этом кроется существенная методологическая трудность, связанная с исследованием возрастных групп. Она уходит своими корнями в охарактеризованную выше многозначность категории «возраст», которая вносит определенную путаницу в исходные исследовательские позиции.

Нам представляется, что в основу анализа феномена «возрастная группа» целесообразно положить представление о возрасте как о социальном явлении. Такой подход позволяет придать феномену возраста, а, следовательно, и возрастных групп, собственно социально-психологическое звучание. Появляется возможность рассматривать возрастные группы в качестве субъектов социальной жизни, занимающих определенное место в системе общественных отношений, обладающих определенным набором социальных ролей и статусов (Смелзер Н., 1994).

В этом случае мы можем вслед за Г. Тэджфелом рассматривать межвозрастные отношения (понимаемые как разновидность межгрупповых отношений) как функцию положения той или иной возрастной группы в системе отношений с другими группами. Мы разделяем позицию, согласно которой любые межгрупповые отношения существуют прежде всего на уровне социальной перцепции как действие социальных стереотипов (Шихирев П.Н., 1999), или, в нашем случае, аскриптивных возрастных свойств (Кон И.С., 1988). Таким образом, одним из приоритетных направлений исследования возрастных групп становится изучение авто- и гетеро- возрастных стереотипов, анализ их роли в регуляции межвозрастных отношений.

Другое направление исследований, исходя из точки зрения И.Р. Сушкова, позволяющей рассматривать отношения между группами как отношения между элементами социальной системы, в которую они входят (Сушков И.Р., 1997), связано с проблемой соотношения возрастных групп в структуре общества в целом. В частности, дискуссионным остается вопрос о «горизонтальном» характере (Андреева Г.М., 2008) отношений между возрастными группами. Рассматривая общество как возрастно-стратифицированную систему (Смелзер Н., 1994; Кон И.С., 1988) можно анализировать взаимоотношения возрастных групп в том числе «по вертикали», обращаясь, в частности, к феномену эйджизма, широко изучаемому в западной социальной психологии и практически не затрагиваемому отечественной наукой.

Еще одна исследовательская проблема концентрируется вокруг вопроса о реализации возрастных стереотипов в поведенческих практиках людей, реализуемых ими в различных сферах жизнедеятельности: семейной, профессиональной, досуговой и т.д. Эта проблема базируется на положении о целостности субъекта (в нашем случае группового – возрастной группы) как основании для системности его психологических качеств (Брушлинский А.В., 1994). В этом случае мы можем рассматривать конкретных людей не просто как представителей разных возрастных групп, но как носителей набора групповых психологических свойств (в данном контексте – возрастных сте-

реотипов), которые они реализуют в повседневном взаимодействии с другими людьми.

Возникающая здесь проблема выделения именно межвозрастной проблематики из широкого контекста социального взаимодействия людей может быть решена посредством обращения к понятию «возрастная идентичность», которая понимается нами как результат отождествления человеком себя с той или иной возрастной группой, сопровождающегося полным или частичным принятием ее норм и правил в качестве регуляторов собственного поведения. Собственно межвозрастные отношения в этом случае можно рассматривать как те отношения между людьми, в которых актуализируется их возрастная идентичность, осознание того, что взаимодействующие принадлежат к различным (или одной и той же) возрастным группам.

С описанных выше позиций возрастная идентичность рассматривается нами как процесс и результат отождествления индивидом себя с определенной возрастной группой с принятием норм поведения данной группы в качестве в большей или меньшей степени регулирующих собственное поведение. Она выступает в качестве регулятора поведения человека в ситуации межвозрастного общения, позволяя различать людей «своего» и «другого» возраста и выбирать адекватные этому способы взаимодействия с ними.

Возрастная идентичность формируется в процессе интерпретации человеком своего хронологического возраста посредством возрастных социальных конструктов, составляющих систему возрастного символизма культуры. Ее содержанием является система авто- и гетеро- возрастных стереотипов, которые определяют характер взаимодействия человека с представителями своей и других возрастных групп. Она основана на знаниях человека о социальной реальности и формируется в процессе их приобретения.

Результаты наших исследований показывают, что возрастная идентичность является актуальным компонентом социальной идентичности современного россиянина и находит свое отражение в обыденном сознании в виде частичного осознания аскриптивных возрастных свойств и эффектов взаимодействия, регулируемых ею (см. раздел 3). Эти данные можно рассматривать как эмпирическое подтверждение приведенных выше теоретических рассуждений о социальной природе возрастной идентичности.

Необходимо также отметить, что процесс возрастных идентификаций отличается от формирования многих других аспектов социальной идентичности. Если во многих других случаях человек, как правило, имеет основания идентифицироваться с какой-то одной социальной группой (например, гендерной или этнической) и впоследствии лишь переосмысливать содержание своих идентификаций, то возрастная идентичность в процессе жизненного пути претерпевает коренные изменения, связанные с переходом от одного этапа к другому. В этом процессе человеку приходится формировать идентификации с новыми социальными группами («подростки», «взрослые», «пожилые»), отказываясь от старых. Этот процесс аналогичен смене профессиональной идентичности под влиянием изменения сферы деятельности, изменению национальной идентичности вследствие перемены места жительства и

т.д., и, весьма вероятно, сопоставим с ними по интенсивности сопровождающих его личностных затрат. Однако, в случае возрастной идентификации человек часто не имеет более или менее однозначных оснований для причисления себя к той или иной возрастной группе, как это происходит, например, в тех общностях, в которых существуют обряды инициации. Это делает процессы возрастной идентификации затруднительными для личности, прежде всего, в моменты «кризиса возрастной идентичности», когда личность находится на этапе перехода от одной возрастной группы к другой.

Профессиональная идентичность

Установление своей идентичности в профессиональной деятельности, согласно концепции Э. Эриксона, – важнейшая задача, встающая перед человеком в период юности и ранней взрослости. Однако следует помнить, что процесс профессионального самоопределения не заканчивается выбором профессии в юношеском возрасте, а продолжается в течение всей профессиональной жизни человека. Это связано и с тем, что человек может по тем или иным обстоятельствам сменить сферу профессиональной деятельности, и с тем, что в ходе развития науки содержание профессии может претерпевать существенные изменения.

Профессиональная идентификация – это процесс самоотождествления с другими представителями профессиональной среды (реальной или идеальной) на основе устоявшихся эмоциональных связей, обеспечивающих стабилизацию профессиональной деятельности и профессионального развития (Проселова В.М., 2001). Она представляет собой механизм «врастания» в профессию, результатом которого является формирование профессиональной идентичности – одной из составляющих социальной идентичности человека.

Профессиональная идентичность выражает концептуальное представление человека о своем месте в профессиональной группе (Иванова Н.Л., Конева Е.В., 2003), а также о месте своей профессиональной группы в системе общественных отношений (Волкова О.А., 2005). Она наделяет человека ценностными ориентирами, позволяя ему ориентироваться в мире профессий, а также обеспечивая максимально широкие возможности для самореализации.

Существует точка зрения, согласно которой профессиональная идентичность складывается только на этапе полного овладения профессией. Ее придерживается, например, Е.П. Ермолаева, которая указывает, что содержанием профессиональной идентичности является устойчивое согласование основных элементов профессионального процесса (Ермолаева Е.П., 2001). Однако, на наш взгляд, в этом случае уместнее говорить о формировании «профессионализма» как определенных достижений личности в своей профессии. Профессиональная идентичность же, очевидно, предполагает определенное групповое членство, причем факторы причисления человеком себя к той или иной профессиональной группе имеют меньшую значимость, нежели сам факт этого причисления. Важно, что, считая себя представителем данной профессиональной группы, человек осваивает ее нормы, ценности и традиции (Завалишина Н.Д., 1997), и они становятся регулятором его поведения в

моменты актуализации профессиональной идентичности. Другим словами, важен не уровень опытности человека в профессии, а его собственное признание того, что он «педагог», «врач», «инженер» и т.д.

Большой или меньший статус профессиональной идентичности в структуре идентификационных оснований личности в значительной степени зависит от объективной роли института профессии, которую он играет в данном обществе, и в которой ценность профессии фигурирует в общественном сознании. В сообществах с традиционно высоким социальным статусом конкретной профессии профессиональная идентичность выступает как ведущий фактор социального благополучия (Волкова О.А., 2005).

Городская идентичность

По данным социологов, в современной России наблюдается тенденция к урбанизации, которая проявляется как в росте количества городов, так и в интенсивном развитии и укрупнении уже существующих (Социология города, 2002). Наблюдается активный отток жителей из сельской местности в города, преимущественно крупные. Некоторые ученые склонны даже говорить о том, что в самое ближайшее время можно прогнозировать не просто преобладание городского образа жизни над сельским, а утверждение «всеобщего городского стиля жизни» (Иванова Т.В., 2003).

Психология, обращаясь к городской проблематике, чаще всего изучает вопросы, связанные с восприятием архитектуры (Линч К., 1986) и городского пространства в целом (Глазычев В.Л., 1995; Голд Дж, 1990; Дридзе Т.М., 1994; Полторац С.Н., 2002; Самошкина И.С., 2006). Значительно реже предметом исследования становится городская и, шире, региональная ментальность (Акопов Г.В., 2002; Иванова Т.В., 2003) - выражения группового сознания в определенном историческом времени и пространстве.

Собственно городская идентичность, понимаемая нами как результат идентификации с группой людей, составляющей население того или иного города, и противопоставления населению других городов и населенных пунктов, на сегодняшний день попадает в поле зрения исследователей крайне редко. Тем не менее, согласно нашим исследованиям и исследованиям ряда других авторов (Даудрих Н.А., 2000; Самошкина И.С., 2006) она включена в структуру социальной идентичности современных россиян наряду с традиционно исследуемыми гендерной, этнической, возрастной и профессиональной идентичностями.

В качестве представителей аут-групп для носителя городской идентичности могут выступать как жители других городов, так и люди, проживающие в сельской местности. Можно предположить, таким образом, что в содержании городской идентичности представлены два смысловых ядра. Первое включает в себя осмысление норм, правил и ценностей городского жителя вообще, в противопоставлении к сельскому образу жизни («я-горожанин»). Второе связано с идентификацией с конкретным городом, с ассимиляцией именно его ценностей: «я-петербуржец», «я-москвичка» и т.д. В качестве отдельного аспекта процесса подобных идентификаций может вы-

ступать субъективная оценка «столичности-провинциальности» своего города. К настоящему времени эмпирически выявлено, в частности, что идентификационные процессы жителей мегаполисов отличаются от аналогичных процессов в небольших городах (Акопов Г.В., 2002).

Содержание городской идентичности формируется по нескольким каналам. Одним из них является закрепившиеся практики структурирования, ценностного нормирования и регулирования социального взаимодействия людей. Другой связан с осмыслением (или, чаще всего, мифологизацией) истории своего города, его значения в прошлом и настоящем своей страны (Рабжаева М.В., Семенов В.Е., 2003).

Переезд из одного города в другой, из села в город (как, впрочем, и обратно) создает почвы для возникновения кризиса городской идентичности. Человек вынужден адаптироваться не только к новым социально-бытовым условиям, но и формировать новый образ себя. Вероятнее всего, именно формирование позитивной городской идентичности является одним из самых значимых критериев адаптации человека на новом месте жительства.

Итак, можно констатировать, что:

- Личность одновременно является членом различных социальных групп, что позволяет рассматривать социальную идентичность как многокомпонентный феномен. Безусловно, ее структура не исчерпывается перечисленными в данном разделе компонентами. Тем не менее, перечисленные компоненты представляются нам важнейшими эффектами социальной категоризации, отражающими основные стороны социального бытия личности. Это подтверждается, в том числе, и результатами наших эмпирических исследований (см. главу 3).
- Значимость идентификации с той или иной социальной группой динамична и может изменяться под влиянием текущей ситуации. Те или иные условия могут способствовать актуализации одних компонентов социальной идентичности по сравнению с другими.

1.6. Механизмы формирования социальной идентичности личности

В научной литературе, посвященной проблеме идентичности, можно обнаружить описание различных механизмов ее формирования.

В отечественной традиции одним из первых об этих механизмах заговорил историк Б.Ф.Поршнев. Описывая закономерности происхождения такого феномена, как этническое самосознание, Б.Ф.Поршнев (1966, 1973) выделяет в качестве одного из основных его компонентов противопоставление, отмечая, что «этническое самосознание одной общности и ее представление о другой общности выступают как производные от ... наличия между ними рубежа... всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет; мера противопоставления есть мера объединения» (Поршнев Б.Ф., 1973. С. 12 – 14).

Психологи-когнитивисты одним из наиболее важных механизмов формирования социальной идентичности считают категоризацию.

Tajfel H. утверждал, что категоризация стимулов создает определенные эффекты в процессе социальной перцепции, в результате которых сходства между стимулами внутри одной категории и различия между стимулами, отнесенными к разным категориям, усиливаются в направлениях, которые воспринимаются как взаимосвязанные с категоризацией. Более того, этот эффект еще более усиливается, когда категоризация происходит в важной для индивида области социальной перцепции (Hogg M., Williams K., 2000).

Социальная категоризация видоизменяет основу социальной перцепции таким образом, что люди воспринимаются не на основе своих уникальных индивидуальных характеристик, а на основании разделяемых группой людей признаков данной социальной категории. Таким образом восприятие «деперсонализируется», то есть строится на основании прототипов ин- и аут-группы, формируемых по принципу метаконтраста. Социальная категоризация самого себя (то есть самокатегоризация) сходным образом обезличивает самовосприятие, но идет еще дальше в трансформации Я-концепции и в привнесении всех аспектов установок личности, ее эмоций и поведений в прототип ин-группы. Деперсонализация – основной процесс, лежащий в основе всех групповых феноменов (Turner, 1985).

Понятие деперсонализации обозначает феномен, при котором группа индивидов начинает воспринимать и описывать себя не в качестве различающихся индивидуальностей, а, скорее, как взаимодействующих представителей некой общей социальной категории. Таким образом, деперсонализация создает у членов группы ощущение сходства по признакам, значимым для данной социальной категории и приводит к восприятию себя, скорее, как «мы» и «нас», чем «я» и «меня». Этот механизм приводит также к подчеркиванию различий между ин-группой и соответствующими аут-группами. Процесс деперсонализации основывается на механизме самостереотипизации: построении «образа Я», включающего характеристики, стереотипно приписываемые ингруппе, и лишенного свойств, которые считаются типичными для членов аутгруппы (Bennett M., Sani F., 2008).

Еще одним механизмом формирования социальной идентичности является социальное сравнение. Tajfel H. полагал, что, поскольку все социальные группы существуют в среде других групп, позитивные аспекты социальной идентичности (то есть те аспекты, которые вызывают удовлетворение) и ощущение ценности принадлежности к определенной социальной группе приобретают значение лишь при сравнении с другими социальными группами. В контексте внутригрупповых процессов социальное сравнение сфокусировано на акцентировании различий между собственной группой и другими группами. Более того, поскольку социальная идентичность включает в себя эмоционально-оценочный компонент, и эта оценка основывается на сравнении характеристик своей собственной группы с другими группами, сущность внутригруппового оценочного процесса в самоподтверждении, это сравнение не должно быть точным, его задача – подчеркнуть различия, гово-

рящие в пользу ингруппы, что должно привести к позитивной межгрупповой дифференциации, позитивно окрашенной отличительности и позитивной социальной идентичности. Эти процессы мотивированы стремлением к поддержанию положительной самооценки, входящим в мотивационную сферу личности.

Завершая краткое описание механизмов, хочется обратиться к модели формирования социальной идентичности, предложенной Amiot C. E., de la Sablonnière R, Terry D. J., Smith J. R. (2007) (см. таблицу 1 и рисунок 2).

Таблица 1.

Модель четырех стадий развития и интеграции социальной идентичности

Стадия	Характеристики стадии
1. Предварительная категоризация	Процесс само-присоединения, в ходе которого собственные характеристики и свойства проецируются на новую группу
2. Категоризация	Высоко дифференцированные, изолированные социальные идентичности. Преобладание одного вида социальной идентичности над другими Социальная идентичность строится по принципу «все или ничего». Пересечений старых и новых идентичностей мало, или они совсем отсутствуют
3. Обособление	Возможны множественные идентификации. Социальные идентичности обособлены. Между социальными идентичностями не существует конфликтов и противоречий. Наращение пересечений между идентичностями, но идентификация в значительной мере определяется конкретным контекстом
4. Интеграция	Осознание наличия и разрешение конфликта между важными социальными идентичностями. Между идентичностями устанавливаются взаимосвязи, благодаря признанию наличия между ними сходства. Проведение категоризации более высокого уровня для разрешения конфликта. Пересечение идентичностей, таким образом, что абсолютные аут-группы и частичные ин-группы становятся абсолютными ин-группами Совместная идентичность становится возможной

Рисунок 2. Модель четырех стадий развития и интеграции социальной идентичности: контекст изменений, предпосылки развития и интеграции, стадии изменений и последствия (по Amiot C. E., de la Sablonnière R, Terry D. J., Smith J. R. (2007)).

Эта модель восходит к представлениям, разрабатываемым последователями теории Жана Пиаже. В рамках воззрений, характерных для данной парадигмы, развитие приводит к возрастанию осознания наличия множественных идентичностей и их последующей интеграции в Я-концепцию.

Первая стадия, предварительной категоризации, является подготовительной и «запускает» процесс интеграции идентичности. Будучи предварительной, эта стадия возникает еще до того, как личность сталкивается с серьезными жизненными изменениями, требующими пересмотра идентичности, или оказывается в ситуации реального взаимодействия с новой социальной группой. В случае неожиданных изменений эта стадия может и не возникнуть. На этой стадии осуществляется когнитивный процесс самоприсоединения, в ходе которого личность проецирует собственные свойства и характеристики на новые ингруппы. Это процесс наполняет смыслом новое групповое членство и, как результат, приносит ощущение единства с этой ингруппой.

На второй стадии, категоризации, члены группы сталкиваются с реальными жизненными изменениями и с существованием в рамках новой социальной группы. Эта стадия отмечена проблемой внутригрупповой отличительности. Внутригрупповая динамика возрастает по мере того, как различия между группами становятся конкретными и заметными. Личность, находящаяся на данной стадии, не может идентифицироваться сразу с несколькими

социальными группами. Компоненты «Я» на этой стадии воспринимаются как различные. Личность принимает только те компоненты «Я», которые описывают изначальную ингруппу. Таким образом, отдельные и конкретные виды социальной идентичности преобладают над целостным ощущением «Я».

Третья стадия развития социальной идентичности – это обособление. На этой стадии множественность старых и новых социальных идентичностей лучше осознается человеком, поскольку он или она больше понимает, что является членом разнообразных социальных групп. Это происходит, когда возрастает число контактов с членами других групп и различные виды социальной идентичности актуализируются одновременно. Опыт такого взаимодействия приводит к появлению новых когнитивных связей между компонентами «Я». Однако, на этой стадии различные виды социальной идентичности существуют обособлено, возможные противоречия между идентичностями также не осознаются. Хотя человек может осознавать себя членом разных социальных групп, идентичности по-прежнему очень зависят от контекста, и одновременная идентификация с различными группами невозможна.

На четвертой стадии происходит интеграция социальной идентичности. На этом этапе человек начинает осознавать, что множественные и различные социальные идентичности одинаково значимы для его «Я». Для достижения подобной интеграции необходимо сначала осознать, что различные характеристики «Я» могут конфликтовать между собой, и необходимо использовать когнитивные и мотивационные ресурсы для разрешения этих противоречий.

Таким образом, мы можем отметить, что:

- Основные механизмы формирования социальной идентичности имеют когнитивную природу и включают в себя процессы категоризацию, самокатегоризацию, деперсонализацию и социальное сравнение.
- Вместе с тем, в реализации этих механизмов участвует и эмоциональная сфера, поскольку стремление к достижению и сохранению положительной самооценки составляет основу идентификационных процессов личности.

2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Методология исследования социальной идентичности определяется спецификой этого психологического феномена. С одной стороны, социальная идентичность конструируется в реальном взаимодействии людей как представителей социальных групп, для изучения которого наиболее адекватными являются экспериментальные процедуры. С другой стороны, для каждой конкретной личности, которая и является носителем социальной идентичности, ее содержание представлено в смысловой форме, что позволяет рассматривать в качестве важнейшей методологической парадигмы ее изучения психосемантический подход.

Экспериментальный подход к исследованию проблем социальной идентичности, будучи весьма популярным в западной психологии, на сегодняшний день не получил широкого распространения в отечественной научной традиции. Хотя в наших эмпирических исследованиях социальной идентичности он не применялся, мы решили остановиться подробнее на описании некоторых экспериментальных процедур, поскольку этот подход представляется нам весьма перспективным. Он был, по сути, заложен еще до выделения проблематики, связанной с формированием социальной идентичности личности, в отдельный раздел социально-психологического знания. В 1950-х гг. М. Шерифом были проведены первые эксперименты, демонстрирующие, что источники межгрупповых отношений кроются не в мотивах отдельных личностей, а в ситуациях взаимодействия этих групп.

С появлением и развитием теории социальной идентичности обозначились и методически оформились отдельные исследовательские проблемы в этой области.

Одним из таких направлений является экспериментальное изучение процессов *межгруппового восприятия* и, в частности, ин-группового фаворитизма и аут-групповой дискриминации, базирующихся на содержании авто- и гетеростереотипов. В этих экспериментах участвуют либо реально существующие социальные группы, попадающие в ситуацию потенциально-конфликтного взаимодействия, либо такие группы формируются искусственным путем, на основе какого-либо несущественного признака, и затем измеряется отношение членов этих групп друг к другу. Например, в классическом эксперименте Г. Тэджфела студентам было предложено сравнить картины В. Кандинского и П. Клее и определить, на какой из них большей точкой (это было возможно благодаря манере письма художников). На основе количества точек, названного студентами, были созданы две группы – «сторонники Кандинского» и «сторонники Клее». Хотя в действительности студенты не являлись членами этих групп, Тэджфел тут же заметил появление эффекта «мы» и «они», начали проявляться ин-групповой фаворитизм и аут-групповая враждебность. Как известно, в дальнейшем эти данные легли в основу идей Тэджфела о том, что причина межгрупповой дискриминации кроется в плоскости осознания

людьми своей принадлежности к той или иной группе, а не в характере взаимодействия с представителями аут-групп (Андреева Г.М., 2008).

Отечественная психология, базирующаяся на принципах деятельностного подхода, интерпретирует эффекты межгруппового восприятия через призму содержания совместной деятельности групп. Первые отечественные эксперименты в этой области принадлежат В.С. Агееву. В них было получено экспериментальное подтверждение тому факту, что характер межгруппового восприятия опосредуется совместной деятельностью групп.

Например, в эксперименте, проведенном с участием студентов среднего учебного заведения в период сессии, реально существующие учебные группы попадали в разные условия, связанные с получением зачета по одному и тому же предмету (Агеев В.С., 1983). Студентам двух экспериментальных групп сообщалось, что, в зависимости от успешности их работы на семинарских занятиях, одна из групп получит зачет «автоматом», а вторая будет сдавать его традиционным путем (каждый студент будет отвечать на вопросы преподавателя). Преподаватели сообщали группам общую оценку их успешности, не уточняя, из чего она складывается. При этом в первом случае умышленно все время сообщалось о лидерстве одной и той же группы, а во втором – о попеременном лидерстве. В контрольной группе зачет «автоматом» был обещан не группе в целом, а лишь тем участникам, которые лучше всех зарекомендуют себя в ходе семинарских занятий.

В ходе анализа полученных результатов в качестве показателей адекватности межгруппового восприятия рассматривались прогнозирование групповой победы в ситуации межгруппового соревнования, объяснение причин победы или поражения своей и чужой групп в этом соревновании и представление о потенциальных успехах своей и чужой групп в различных сферах деятельности, не связанных непосредственно с экспериментальной ситуацией. Адекватность межгруппового восприятия оценивалась степенью предпочтения своей группы по указанным параметрам.

Выяснилось, что в условиях соревнования чаще наблюдаются реплики в поддержку своей группы и ее членов, используются местоимения «мы» и «они», регулируется выбор тех выступающих, которые могут увеличить шансы группы на победу, в том числе и с помощью давления на преподавателя. Таким образом, было показано, на идентификацию с группой и проявления ингруппового фаворитизма оказывает влияние характер деятельности группы (в данном случае – ситуация соревнования).

Также экспериментальному изучению могут подвергаться содержание *социальных стереотипов* и механизмы его трансформации. В качестве примера можно привести экспериментальную процедуру, предложенную Ю.В. Рябовой (2001), направленную на исследование содержания возрастных стереотипов, которая смоделирована в полном соответствии с классическими методами исследования социальных стереотипов. Три группы испытуемых, независимо друг от друга, получают задание описать человека, которого они видят на предъявляемой фотографии. Изображение при этом размыто настолько, что отчетливо различим только силуэт человека. Первой группе испытуемых сообщается, что на

фотографии изображен ребенок, второй – взрослый, третьей – пожилой человек. Полученные автором результаты позволяют охарактеризовать содержание возрастных стереотипов, распространенных в современном российском обществе.

Интересная экспериментальная процедура предложена и апробирована на американской выборке S. Sinclair, J. Huntsinger, J. Skorinko и C. Hardin (2004). Она позволяет проверить так называемую «гипотезу настройки» на партнера как механизма трансформации тех элементов представлений человека о себе, которые базируются на содержании социальных стереотипов.

Первым этапом данной экспериментальной процедуры является информирование участника о том, что ему предстоит делать в ходе эксперимента: испытуемому сообщается, что он на протяжении определенного количества времени должен будет общаться с другим участником эксперимента. В начале эксперимента испытуемый заполняет автобиографическую анкету, содержащую в том числе информацию о его дате рождения. Через некоторое время ему сообщается дата рождения и пол партнера, с которым ему предстоит общаться в ходе эксперимента. Для контроля мотивационной включенности испытуемого в эксперимент варьируются сообщаемые ему условия предстоящего взаимодействия. Первым условием является сообщаемая экспериментатором дата рождения предполагаемого партнера по взаимодействию (предполагается, что совпадающие даты рождения являются фактором, усиливающим мотивацию к взаимодействию). Второе условие заключается в длительности взаимодействия с этим партнером (5 или 30 минут), причем ожидание более длительного взаимодействия связывается с более высоким уровнем мотивации. Таким образом, испытуемым, попавшим в условия повышенной мотивации, сообщается, что они на протяжении 30 минут будут общаться с человеком, родившимся в тот же день, что и они. Условия сниженной мотивации формируются путем информирования испытуемого о предстоящем пятиминутном общении с человеком, имеющим другую дату рождения.

Затем испытуемым предлагается заочно познакомиться с будущим партнером по взаимодействию, узнав, каким образом тот описал сам себя в ходе анкетного опроса. Испытуемый получает сведения о самооценке потенциальным партнером некоторых личностных свойств, а также о том, разделяет ли тот распространенные расовые и гендерные стереотипы. После этого его просят заполнить аналогичную анкету для предоставления информации будущему партнеру. По завершении этой работы испытуемого благодарят за участие в эксперименте и сообщают ему, что эксперимент на этом закончен.

В исследовании, проведенными разработчиками процедуры, испытуемыми выступали женщины. Было показано, что женщины, мотивированные на взаимодействие и сталкивающиеся с партнером, для которого характерны гендерные стереотипы, включают в самоописания значительно больше характеристик, отражающих стереотип фемининности, нежели испытуемые из параллельной группы, не мотивированные на взаимодействие с партнером, то есть «настраиваются» на партнера. Экспериментальное подтверждение этих данных на российской выборке на сегодняшний день не проводилось.

Разработаны также экспериментальные процедуры, направленные на изучение закономерностей формирования социальной идентичности в период детства. Так, например, М. Bennett и F. Sani (2008) предлагают следующий способ оценки степени идентификации детей (начиная с 5-летнего возраста) с теми социальными группами, принадлежности к которым они декларируют в самоописаниях (на примере гендерной идентичности). На основе экспертной оценки педагогов выбираются несколько мальчиков и несколько девочек, которые, во-первых, хорошо знакомы всем ребятам в группе, а, во-вторых, были бы типично маскулинными или типично фемининными соответственно. Затем в ходе индивидуальных бесед с каждым испытуемым экспериментатор интересуется, насколько, по мнению ребенка, он похож на каждого из этих десяти детей. Ответы оцениваются по 3-балльной шкале от 1 – «не похож» до 3 – «очень похож». По данным исследователей, уже в 5-летнем возрасте дети склонны считать себя подобными представителям собственной гендерной группы и противопоставлять аут-группе, причем в случае взаимодействия с другой гендерной группой эта тенденция усиливается. Эти данные получены на шотландской выборке, однако частично подтверждаются и результатами российских исследований, представленных, в частности, в главах 3-4.

Психосемантический подход к исследованию социальной идентичности в большей степени распространен в отечественной психологии. Психосемантика позволяет реализовать на практике теоретико-методологические принципы социального конструкционизма, поскольку «стоит на позиции множественности возможных моделей мира, на идее плюрализма истины и, как следствие, на идее множественности путей развития отдельного индивида, общества, страны, всего человечества» (Петренко В.Ф., Митина О.В., 1997, с. 105.). Экспериментальная психосемантика позволяет увидеть мир глазами самого субъекта, а результаты исследования высвобождаются от влияния системы значений самого исследователя, что позволяет продвинуться в сторону разрешения вечного противоречия научной психологии между стремлением к «объективизации» и «стандартизации» полученных данных и необходимостью учитывать индивидуальность и неповторимость внутреннего мира каждого человека (Шмелев А.Г., 1982). В психосемантике личность – это не сумма «объективных» характеристик, а «носитель определенной картины мира, ... микрокосм индивидуальных значений и смыслов» (Петренко В.Ф., 1997, с. 6).

Психосемантические методы основаны на работах Ч. Осгуда и теории личностных конструктов Дж. Келли и включают в себя использование как качественно-количественного анализа (контент-анализа), так и аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта. Собственно психосемантические методики сбора эмпирических данных разнообразны и включают с себя вариации процедур Семантического дифференциала, Репертуарных решеток, Множественных идентификаций. Однако применение психосемантической методологии допустимо и к анали-

зу результатов, полученных с помощью других, в частности, опросных методов.

Так, для изучения структуры социальной идентичности возможно использовать методику «Десять Я» (другое название, традиционно используемое наряду с первым – «Кто Я?»), применение которой в целом решает задачу изучения Я-образа испытуемых. Она была разработана М. Куп и Т. McPartland (1954), которые исходили из идеи о том, что данная методика позволяет определять социальные и личностные идентификации человека, существующие в форме установок в адрес самого себя.

Испытуемым предлагается следующая инструкция: «Ответьте, пожалуйста, на вопрос «Кто Я?», используя для этой цели 10 слов или предложений». В итоге исследователь получает самописание испытуемого, которое является отражением его субъективных представлений о самом себе. В нашем исследовании обработка полученных результатов проводилась помощью контент-анализа. В качестве анализируемых категорий выделялись «личностные характеристики» и «социальные характеристики», причем последние классифицировались соответственно компонентам социальной идентичности личности: гендерному, этническому, возрастному, профессиональному, религиозному и т.д. Основанием для отнесения элемента самоописания испытуемого к той или иной социально-идентификационной категории являлось прямое указание на ту или иную социальную роль: «мужчина», «девушка», «русский», «православный», «пенсионер» и др.

В целом, с помощью методики «Десять Я» можно нам удалось получить следующие характеристики социальной идентичности личности:

- актуальные компоненты социальной идентичности личности, их значимость в структуре самописаний испытуемого (путем расчета удельного веса в процентном выражении или в долях от единицы);
- иерархия актуальных компонентов социальной идентичности (путем их ранжирования соответственно порядковым номерам этих признаков в структуре самописаний испытуемых).

Следует отметить, что существуют и другие модификации методики «Десять Я», соответствующие задачам изучения социальной идентичности. Так, на основе этой методики Р.П. Попок разработал «Трехмерный опросник социальной идентификации», позволяющий диагностировать не только содержание идентификаций личности, но и их ведущий уровень (Попок Р.П., 2004). Подобные процедуры широко распространены и в зарубежных исследованиях, например, в работах М. Яромовиц (см. Павленко В.Н., 2000), А. Reid и К. Deaux (2004) и т.д.

В качестве средств, позволяющих уточнить содержание социальных идентификаций личности, нами использовались методики ассоциативного эксперимента и интервью.

Ассоциативный эксперимент позволил нам выявить основные элементы образов ин- и аут-групп в сознании испытуемых. Как известно, этот метод представляет собой технику семантического анализа, которая отражает как когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, так и

индивидуальные особенности испытуемых, личностные смыслы в отношении слов-стимулов. Преимущество ассоциативного эксперимента состоит в том, что испытуемые работают со значением слова в «режиме употребления», что позволяет выделять и некоторые неосознаваемые компоненты значения (Петренко В. Ф., 1997). Для проведения исследования была выбрана процедура свободного ассоциативного эксперимента – испытуемые не были ограничены в выборе возможных ассоциаций, что способствовало проявлению их индивидуальных особенностей. В качестве слов-стимулов испытуемым предлагались названия различных социальных ролей. Полученные данные обрабатывались с помощью контент-анализа с последующей кластеризацией выделенных категорий.

Полуструктурированное интервью, применявшееся в нашем исследовании, было направлено на изучение социальных стереотипов и их взаимосвязи с поведенческими практиками испытуемых. Несмотря на то, что обозначенную задачу можно было решить с применением письменного анкетирования (в том числе модификаций методики «Незаконченные предложения»), мы предпочли интервью, поскольку в этой случае объем и глубина полученного эмпирического материала значительно больше. В интервью человек получает возможность представить своей собственный опыт наиболее полно и целостно (Abes E. S., Jones S. R., 2004). Кроме того, интервью позволяет не только узнать что-то об опыте человека, связанном с его социальными идентификациями, но и помогают человеку обнаружить самого себя, и, возможно, пересмотреть свою идентичность (Lieblich A., Tuval-Mashiach R., Zilber T., 1998).

Для реконструкции элементов картины мира, связанных со сферой социальных идентификаций личности, в нашем исследовании применялся «Символический анализатор мира» (САМ), который представляет собой модифицированный вариант известного «Цветового теста отношений» (Эткинд А.М., 1980).

Цветоассоциативный эксперимент, являющийся основной экспериментальной процедурой исследования с помощью данной методики, базируется на предположении о том, что существенные характеристики невербальных компонентов отношений к самому себе и к значимым объектам индивидуальной картины мира отражаются в цветовых ассоциациях к ним, поэтому становится возможным проникнуть в «достаточно глубокие, частично неосознаваемые компоненты отношений, минуя при этом искажающие, защитные механизмы вербальной системы сознания» (Парачев А.М., 1997).

Основной методический прием, используемый в методике САМ – это проецирование множества объектов на некий алфавит индексов. В данном случае в качестве такого алфавита индексов используются цветные карточки из ранжировочного теста М. Люшера (Собчик Л.Н., 1990).

Для проведения исследования необходим опросный бланк и цветные карточки теста Люшера. В нашем варианте все восемь карточек были размещены на одном листе формата А4, и им были присвоены номера: синий - № 1, зеленый - № 2, красный (оранжевый) - № 3, желтый - № 4, малиновый (фи-

олетовый) - № 5, коричневый - № 6, черный - № 7, серый - № 8. В ходе исследования испытуемым предлагалось определить, с каким из восьми цветов ассоциируется названное экспериментатором понятие, и поставить любой знак в соответствующий квадратик на стандартном бланке под названием выбранного цвета. Все понятия зачитывались экспериментатором последовательно, в одинаковом для всех испытуемых порядке.

В нашем исследовании список предлагаемых испытуемым понятий включал в себя названия различных социальных ролей, а также основных эмоций, которые давали ориентиры для определения эмоциональной окраски основных понятий в сознании испытуемых (аналогичную роль играли категории «друг» и «враг»). Понятия «Я» и «Я-идеальное» использовались для выявления актуальных и потенциальных социальных идентификаций испытуемых. Полный список понятий, скомпонованный нами на основе анализа результатов ассоциативного эксперимента и интервью, приведен ниже:

Друг	Я в прошлом
Взрослый	Богатый
Радость	Житель другого города
Мужчина	Страх
Идеал	Я
Россиянин	Старуха
Презрение	Бомж
Ребенок	Гнев
Гражданин другой страны	Враг
Отвращение	Женщина
Бедный	Я в будущем
Интерес	Печаль
Подросток	Старик
Человек моей национальности	Человек другой национальности
Удивление	Стыд
Девочка	Мальчик
«Новый русский»	Петербуржец

В конце испытуемых просили проранжировать цветковые карточки в порядке предпочтения, от наиболее приятного к наиболее неприятному, и расставить в соответствии со своими индивидуальными предпочтениями номера цветов в специально отведенной для этой процедуры части бланка.

Обработка результатов, полученных при помощи методики САМ, проводилась по нескольким направлениям:

1. Для каждого понятия составлялись групповые «цветовые портреты», содержащие частотное распределение различных цветовых ассоциаций на данное понятие.
2. Для каждого из понятий был рассчитан обобщенный показатель комфорта по формуле: $X_1 + X_2 + X_3 + X_4 / X_6 + X_7 + X_8$. Где X – частота встречаемости цвета, а цифры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 – номера цветов в стандартном цветоранжировочном ряду. Психологический смысл коэффициента комфортности заключается в том, что чем сильнее отвергаются «чистые» цвета (си-

ний, зеленый, оранжевый, желтый) и чем притягательнее «грязные» цвета (коричневый, черный, серый) тем хуже психологическое состояние.

3. Исходная таблица цветовых выборов была перекодирована следующим образом: стандартный номер цвета заменялся на ранг, который этот цвет имеет в системе индивидуальных предпочтений испытуемого (например, если, выполнив цветоранжировочную процедуру, испытуемый поставил красный цвет на шестое место, то все понятия, «окрашенные» этим цветом, приобретают шестой ранг). Смысл этой процедуры состоит в том, что мы получаем возможность учитывать актуальное эмоциональное состояние испытуемого. Именно поэтому именно эта таблица (называемая ценностной) и применялась для дальнейшей обработки методами многомерной статистики. Полученные этим способом данные подвергались корреляционному и кластерному анализу, позволившим проследить взаимосвязи понятий-стимулов.

Итак, подводя итог анализу способов эмпирических исследований социальной идентичности, можно отметить следующее:

- в современных психологических исследованиях проблем, связанных с социальной идентичностью личности, наибольшее распространение получили экспериментальный и психосемантический подходы.
- Экспериментальный подход позволяет анализировать социальную идентичность в контексте реального социального взаимодействия людей.
- Психосемантический подход позволяет обратиться к субъективному опыту личности как носителя социальной идентичности, реконструировать элементы картины мира, связанные со сферой социальных идентификаций.

3. СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3.1. Репрезентация актуальной структуры социальной идентичности в обыденном сознании современных россиян

Социальная идентификация разворачивается на фоне становления личностной идентичности человека. Соотношение этих процессов – вопрос, который открыт в социальной психологии по сей день, что пока затрудняет теоретический анализ уровней построения социальной идентичности. Поэтому в исследовании репрезентации актуальной структуры социальной идентичности в обыденном сознании современных россиян мы исходили из существующего на уровне здравого смысла представления о том, что носителем социальной идентичности является человек в единстве его признаков и свойств как социального, так психологического и биологического происхождения. Соответственно, в процессе социальной идентификации, ища свое место в сложной системе социальных отношений, человек ориентируется на весь спектр признаков, позволяющих определить свое членство в разнообразных социальных группах. Следовательно, в рамках традиционного подхода можно выделить различные уровни идентификации: телесный, психологический, социально-психологический и социальный. Однако необходимо отметить, что ведущими идентификационными признаками в формировании социальной идентичности в силу самой природы данного феномена, по всей вероятности, выступают социально детерминированные категории, в частности, обусловленные содержанием существующих социальных ролей.

Тем не менее, вполне вероятно, что в процессе социальной идентификации для человека могут быть актуальными не только социально обусловленные характеристики, но и другие идентификационные признаки, в частности, психологического и даже телесного свойства. Для того чтобы проанализировать социально-идентификационные признаки такими, какими они отражены в общественном сознании (а значит те, которые в реальности являются основанием для формирования социальной идентичности), мы обратились к исследованию анекдотов.

Анекдот в качестве объекта исследования был выбран неслучайно, поскольку он традиционно считается зеркалом социальной реальности. Анекдот (от греческого *anekdotos* - - неизданный) — это краткий устный шуточный рассказ, обычно злободневного содержания, с остроумной концовкой. В филологии анекдот принято относить к жанру городского фольклора. Современные анекдоты возникли на основе классического литературного анекдота (коротких, обычно нравоучительных рассказов о событии или происшествии из жизни исторического лица), который, появившись впервые в Византии, попал в Россию в 17-18 вв. через европейскую литературную традицию (Русский Литературный анекдот..., 1990). Затем в общем процессе демократизации культуры старый анекдот популяризировался, претерпев при

этом существенное жанровое перерождение: он становится преимущественно устным, стереотипным и лаконичным по форме, но более разнообразным по тематике. В качестве основной содержательной единицы современного анекдота выступает пародирование официальной культуры во всех ее проявлениях (Химик В.В. , 2002). События, отображенные в современном анекдоте, по сути, не являются вымышленными, а, напротив, отражают разнообразные реалии социального бытия человека.

В современных исследованиях, посвященных изучению содержания анекдотов, существует как минимум два подхода, имеющих выраженный психологический контекст: исследование техник создания комического (Лук Н.А., 1977; Щербаков В.В., 1999), или же исследование содержания анекдотов с точки зрения анализа актуальных в современной социальной реальности противоречий (Иссерс О.С. , Кузьмина Н.А. , 2000).

Для нашего исследования наиболее продуктивным является второй подход, для реализации которого согласно изложенным выше представлениям о социальной идентичности в качестве основного таксономического принципа была выбрана ролевая типизация персонажей. Целью исследования стало описание социально-идентификационных признаков, представленных в общественном сознании и нашедших свое отражение в анекдотах.

В соответствии с целями исследования был проведен контент-анализ 500 анекдотов, представленных в популярных развлекательных периодических изданиях за 2005 г. Контент-анализ проводился в два этапа. На первом этапе были описаны аспекты социальной идентичности, являющиеся сюжетообразующими в анекдотах, причем основанием для констатации указания на социальную идентичность послужило прямое упоминание той или иной социальной роли. На втором этапе были проанализированы признаки, существенные для наиболее актуальных социальных идентификаций. Признаки были классифицированы по различным уровням идентификации: телесному (соматические особенности), психологическому (индивидуально-психологические особенности), социально-психологическому (особенности межличностных отношений), социальному (участие в социальных отношениях).

Полученные результаты позволяют говорить о том, что различные аспекты социальной идентичности отражены в 57,0% анекдотов (см. таблицу 2). Исходя из изложенных выше представлений об анекдоте как зеркале социальной реальности, эти данные могут служить подтверждением актуальности проблемы формирования и функционирования социальной идентичности.

В текстах анекдотов были выявлены маркеры гендерной, профессиональной, возрастной, этнической, социально-экономической, политической и религиозной идентичности, которые, вероятно, являются наиболее актуальными аспектами социальной идентичности в современном российском обществе.

Таблица 2

Аспекты социальной идентичности (СИ), актуализированные в анекдотах

Аспекты социальной идентичности	Гендерный	Профессиональный	Возрастной	Этнический	Социально-экономический	Политический	Религиозный	СИ не представлена
Частота встречаемости, %*	20,8%	19,0%	9,4 %	5,4 %	2,6 %	1,8 %	0,8 %	43,0%

* В некоторых текстах встречалось одновременное упоминание нескольких аспектов социальной идентичности

Ярче других проявились проблемы гендерной и профессиональной идентификации (им посвящено 20,8% и 19,0 % анекдотов соответственно). Возрастная идентичность и вопросы ее формирования затронуты в 9,4 % проанализированных текстов, этническая – в 5,4 %. Остальные аспекты социальной идентичности встречаются менее чем в 3 % случаев, поэтому на последующих этапах анализа не рассматривались.

Интересно, что, судя по всему, гендерные роли являются в общественном сознании самыми определенными, поскольку в текстах анекдотов они отражены наиболее полно (см. таблицу 3). Более того, они выглядят самыми содержательно дифференцированными («парень» и «девушка» – понятия для обозначения сексуально активных людей, «мужик» и «тетка» – для описания асексуальных и даже антисексуальных проявлений, «мужчина» и «женщина» – преимущественно для трансляции гендерных стереотипов).

В возрастных ролях преимущество отдано «детям» и «старикам», что косвенно подтверждает актуальность проблемы итерирования в современном общественном сознании. Важно, что более чем в половине случаев гендерные и возрастные роли осмысляются в пространстве семейных отношений, которые, очевидно, являются приоритетной сферой для их реализации. Среди профессиональных ролей наиболее ярко выделяются те, представители которых имеют возможность реального воздействия на человека («милиционер», «врач» - им посвящено более половины «профессиональных» текстов). Ведущие этнические роли традиционны для отечественных анекдотов (их героями чаще всего становятся чукчи, евреи, американцы и русские).

Таблица 3

Социальные роли, через которые чаще всего представлена социальная идентичность (СИ) в анекдотах

Аспекты СИ, отраженные в анекдотах	Гендерная	Профессиональная	Возрастная	Этническая
Роли, через которые чаще всего представлен данный аспект социальной идентичности*	Мужик (0,18) Парень (0,17) Мужчина (0,08) Девушка (0,31) Женщина (0,07) Тетка (0,01) Гей (0,03) Муж (0,25) Жена (0,32)	Милиционер (0,33) Врач (0,22) Военный (0,09) Охранник (0,04) Моряк (0,03) Учитель (0,03)	Дети, девочка, мальчик (0,21) Старик, старуха (0,10) Мать, отец (0,49) Сын, дочь (0,24) Теща, тесть (0,11) Дед, бабка (0,08) Внук, внучка (0,06)	Чукча (0,16) Русский (0,13) Еврей (0,09) Американец (0,09) Грузин (0,09)

*в скобках указан удельный вес соответствующей роли

Данные, приведенные в таблице 4, дают ответ на вопрос о том, какие признаки являются значимыми для социальной идентификации на уровне общественного сознания. Очевидно, что это признаки, отражающие психологический и социально-психологический уровни идентификации (43,1 % и 31,0 % соответственно).

Таблица 4

Значимость различных уровней идентификации в процессе формирования социальной идентичности

Уровни идентификации	Аспекты социальной идентичности				Всего
	Гендерная	Профессиональная	Возрастная	Этническая	
Телесный	13,3 %	2,4 %	17,5 %	9,1 %	10,6 %
Психологический	38,5 %	34,1 %	22,5 %	77,3 %	43,1 %
Социально-психологический	46,5 %	26,9 %	45,9 %	4,5 %	31,0 %
Социальный	0,7 %	36,6 %	15,0 %	9,1 %	15,3 %

Гендерный аспект социальной идентичности в анекдотах представлен преимущественно через социально-психологический уровень идентификации, в котором наибольший удельный вес имеют содержательные моменты, связанные с позицией субъектов в межполовых отношениях, а также с их функционально-бытовым значением друг для друга. Во всех проанализированных анекдотах женщина предстает как сексуальный объект (0,10), мужчина – как субъект сексуальной активности (0,07) (как в семейном пространстве, так и вне него):

- Ты Дашу уломал?

- Да! Два-три перелома, и дело в шляпе!

Женщина, провоцирующая мужчину на сексуальную активность, высмеивается (0,02). Эти результаты полностью соответствуют патриархальным представлениям об «объектном» характере женской сексуальности, о том, что женская субъектность, включая желание вовлечения мужчины в сексуальную активность, лежит вне пределов доминирующего дискурса (Луковицкая Е.Г., 2003). Функциональная спецификация мужчины и женщины (она актуальна в пространстве семьи) также во многом стереотипна: женщина отвечает за обустройство быта (0,02), мужчина лишен каких бы то ни было бытовых обязанностей (0,02). Обращает на себя внимание тот факт, что претерпело значительное изменение представление о роли мужчины и женщины в материальном обеспечении отношений. Если по популярным в конце 1990-х гг. анекдотам можно было сказать, что выполнения этих функций ждут преимущественно от мужчины (Дружинин В.В., 1996), то в современной ситуации эти функции поделены между мужчиной и женщиной поровну (0,01 и 0,01 соответственно). Семья по-прежнему воспринимается как стихия женщины и ограничитель свобод мужчины (0,07):

На радио в программу «По заявкам слушателей» звонит мужик:

- Нахожусь в командировке. Хочу передать привет моей жене, теще, тестю и трем ребятишкам и прошу поставить для них песню группы «Ария» «Я свободен»!

Психологический уровень гендерной идентификации представлен, прежде всего, традиционными аскриптивными гендерными характеристиками мужчины и женщины (0,27): мужчина сообразителен, находчив, инициативен, женщина глупа, эмоциональна, исполнительна:

Успех мужской логики заключается в системном поиске недостающего звена к решению проблемы, успех женской – в бессистемном отбрасывании достоящих.

Кроме того, на этом уровне нашел свое отражение отмечаемый сегодня (Клецина И.С., 2004) процесс трансформации гендерных стереотипов фемининности: за современными женщинами анекдоты признают такие качества, как логичность, рассудительность и настойчивость в достижении своих целей, а также эмоциональная черствость в отношениях с детьми (0,03):

В детстве мама заплетала мне в косу цветок. Было очень красиво, но уж больно бил по спине глиняный горшочек...

Отголоски процесса изменения стереотипа маскулинности встречаются в анекдотах, посвященным проблемам однополых отношений (0,01), а также в «детско-родительских» анекдотах, в которых отец может выполнять эмоциональную, принимающую функцию (0,02).

Немаловажным аспектом гендерной идентификации в анекдотах выступили соматические свойства человека, отражающие его половую принадлежность (0,12). Социальный аспект идентификации представлен только на уровне общественных ожиданий относительно сексуальной ориентации в контексте биологического пола человека (0,01).

Возрастной аспект социальной идентичности раскрывается преимущественно на социально-психологическом уровне. Он проявляется в представлении о выраженной функциональности старших по отношению к младшим, прежде всего в рамках внутрисемейного взаимодействия (0,30):

Рекламный ролик: «Он создает слишком много шума? Он стал занимать слишком много места? Вы не знаете, куда его деть? Отдайте своего сына в армию!».

В анекдотах также констатируются возрастно-обусловленные различия в выборе средств и форм коммуникаций между поколениями (0,13). Кроме того, возраст рассматривается как референт определенного статуса в межличностных отношениях: старший «статуснее» младшего, обладает большими неформальными правами в межвозрастном взаимодействии (0,10), что вызывает ответные негативные реакции со стороны младших (0,09):

- *Мама, а когда я выласту, я буду на тебя похожа?*
- *Будешь, доченька, будешь...*
- *Ну и зачем тогда зыть?*

Психологический уровень возрастной идентификации довольно специфичен: в отличие от остальных аспектов социальной идентификации, он представлен не аскриптивными возрастными свойствами, а четко дифференцированными по знаку характеристиками старших и младших: старшие описываются посредством положительных черт (0,13), младшие - посредством отрицательных (0,18), что содержательно не соответствует распространенным возрастным стереотипам. Вероятно, этот факт объясняется авторством анекдотов: они – результат творчества «старших», для которых «младшие» выступают как аут-группа в возрастной структуре общества.

Телесный уровень возрастной идентификации опирается на данные о хронологическом возрасте человека (0,12) и его физиологических возможностях, прежде всего, в половой сфере (0,29). Социальный уровень представлен набором возрастно-специфических ролей (дети – школьники, старики - пенсионеры и т.д. (0,32)).

Этнический аспект социальной идентичности описывается в анекдотах в основном на психологическом уровне идентификации, через стереотипно приписываемые представителям различных этнических групп психологические качества и ценности, то есть систему этнических авто- и гетеростереотипов (все чукчи глупые, все евреи жадные, все американцы расчетливые и т.д., 0,78):

Идет чукча и пищит. Подходит к нему геолог и спрашивает:

- Ты чего пищишь?

- Да вот таблетки выпил.

- Ну и?

- А там написано: «После приема пищи».

Или:

Объявление в еврейской кондитерской: «Возьмем на работу продавца-диабетика».

Ин-группа (в данном случае, вероятно, ее текстовым референтом является «русский») содержательно представлена через отрицание у себя отрицательных черт, приписываемых представителям аут-групп («собственных» черт всего две – везучесть на фоне экстернальности (0,03)). Возможно, здесь мы сталкиваемся с неоднократно описываемым в современной научной литературе феноменом «отрицательной идентичности» русских (Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е., 1993). Кроме того, можно предположить, что формирование позитивной идентичности русских находится на неизбежно встречающейся стадии противопоставления собственной общности внешним группам: как отмечал еще Б.Ф.Поршнев, истоки чувства «Мы» находятся в чувстве «Они» (Поршнев Б.Ф., 1973).

Менее значимыми для этнической идентификации в анекдотах выступают антропологические особенности людей (телесный уровень), характер их отношений с людьми (социально-психологический уровень) и культурная принадлежность, в данном контексте определяемая через собственное имя (социальный уровень).

Профессиональный аспект социальной идентичности выделяется из общей картины тем, что в нем наиболее ярко представлен социальный уровень идентификации, прежде всего через функциональное и предметное содержание профессиональных ролей (0,21).

На психологическом уровне профессиональная идентичность описывается, прежде всего, через профессиональные стереотипы (все милиционеры и военные глупы, врачи агрессивны и т.д. (0,20)):

Почему милиционеры ходят по трое? Один умеет читать, другой писать, а третьему просто приятно находиться в компании образованных людей.

Кроме того, для профессиональной идентификации значимы профессионально важные качества (0,06), а также типичное «профессиональное мировоззрение» как результат профессиональной деформации личности (0,05).

Социально-психологический уровень профессиональной идентификации отражает преимущественно представления о дополнительных возможностях человека определенной профессии в отношениях с другими людьми (получение дополнительных доходов, внимания противоположного пола (0,12)).

Телесный аспект профессиональной идентификации по вполне очевидным причинам (трудно найти телесные предпосылки профессиональных

различий!) затрагивает только проблемы профессиональной травматизации (0,02).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы**:

- В числе наиболее актуальных аспектов социальной идентичности в современном российском обществе можно назвать гендерную, профессиональную, возрастную и этническую идентичности.
- Среди социально-идентификационных признаков самыми значимыми являются психологические и социально-психологические особенности, то есть они чаще других являются основанием для социальной идентификации конкретной личности. Социальные признаки оказываются менее важными, возможно, в силу того, что являются слишком неопределенными для обывденного сознания.
- Определенную роль в формировании социальной идентичности играют телесные признаки, которые на уровне обывденного стереотипизированного сознания выступают фундаментальным и незыблемым основанием отнесения себя и других к определенным социальным группам и приписывания на этой основе определенных психологических и социально-психологических качеств.

3.2. Структура социальной идентичности личности в различные периоды жизни человека

В отечественной и зарубежной психологии идентичность вообще, и социальная идентичность в частности долгое время рассматривалась как новообразование подросткового возраста. Однако результаты современных исследований (Левкович В.П., Панкова Н.Г.; 1973; Снежкова И.А., 1982; Хотинец В.Ю., 2000; Clark K. B., Clark M.K., 1940; Piaget J., Weil A.M., 1951; Phinney J.S., 1990) показывают, что формирование социальной идентичности начинается значительно раньше – в дошкольном детстве. Этот процесс интенсифицируется по мере расширения спектра социальных отношений, в которые включен ребенок – с поступлением ребенка в школу (Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А., 2001; Бернс Р., 1998). Однако эмпирические исследования становления социальной идентичности в дошкольном и младшем школьном детстве носят крайне фрагментарный характер, объектом пристального внимания при изучении этого процесса чаще всего становятся подростки.

Учитывая это, мы сосредоточили свой интерес, прежде всего, вокруг проблемы ***социальной идентификации личности на рубеже дошкольного и младшего школьного возраста***. В проведенном нами исследовании приняли участие 115 учеников 1- 3 классов школ Санкт-Петербурга в возрасте 7-9 лет, среди них 52 мальчика и 65 девочек (2006-2007 г.г.).

Структура социальной идентичности младших школьников исследовалась с помощью методики «Кто Я?» Куна и МакПортленда. В процедуру

контент-аналитической обработки результатов были заложены параметры, отражающие те или иные социальные роли, приписываемые себе детьми. Как оказалось, удельный вес социально-идентификационных параметров в структуре самоописаний младших школьников составляет в среднем 17,3 % от общего числа высказываний из них 18,6 % у девочек и 16,0 % у мальчиков (см. таблицу 5). Таким образом, более значимыми компонентами самосознания младших школьников оказываются идентификационные характеристики, относящиеся не к социальной, а личностной идентичности (в первую очередь, свойства собственной личности и самооценка).

Таблица 5.
Структура самоописаний младших школьников

Параметры самоописаний		Частота встречаемости (%)		
		Девочки	Мальчики	В среднем по выборке
Личностно-идентификационные параметры	Качества личности, самооценка	49,1 %	40,9 %	45,7 %
	Любимые занятия	21,2 %	12,5 %	18,3 %
	Умения	17,7 %	8,8 %	14,0 %
	Семейные роли	6,1 %	6,8 %	6,2 %
	Имя	7,8 %	4,1 %	6,0 %
	Человек, землянин	4,1 %	5,4 %	4,3 %
	Внешние качества	4,8 %	1,0 %	3,1 %
	Возраст	2,7 %	1,0 %	1,9 %
	Дружеские роли	1,7 %	1,7 %	1,5 %
	Знак зодиака	-	0,3 %	0,1 %
	Адрес	-	0,3 %	0,1 %
Социально-идентификационные параметры	Ученик	8,2 %	5,5 %	7,0 %
	Мальчик-девочка	6,9 %	4,1 %	5,6 %
	Россиянин	0,7 %	2,3 %	1,3 %
	Ребенок	1,0 %	1,4 %	1,0 %
	Этническая принадлежность	0,3 %	1,4 %	0,5 %
	Взрослый	0,3 %	1,4 %	0,4 %
	Петербуржец	0,7 %	-	0,4 %
	Мужчина-женщина	-	0,7 %	0,3 %
	Будущая профессия	0,3 %	-	0,2 %
	Верующий	0,3 %	0,3 %	0,2 %
	Подросток	-	0,3 %	0,1 %

Среди встречающихся социально-идентификационных параметров наибольшим удельным весом обладают отождествление себя с ролью учащегося (7,0 %), что, по всей видимости, отражает характер ведущей деятель-

ности на данном этапе возрастного развития. Довольно «весома» также смешанная гендерно-возрастная идентификация «мальчик-девочка», которая у всех испытуемых соответствует их паспортному полу. Частота встречаемости идентификаций с другими социальными ролями (как гендерными и возрастными, так и этническими, национальными, религиозными, профессиональными) не превышает 1,5 %, что отражает низкую значимость данных компонентов в структуре социальной идентичности младших школьников.

Обращает на себя внимание тот факт, что мальчики в среднем чаще, чем девочки, демонстрируют идентификацию с этническими и национальными ролями. Кроме того, в целом, социальная идентичность мальчиков отличается большим разнообразием идентификационных параметров. В самоописаниях мальчиков их среднее количество составляет 1,94, в то время как в выборке девочек этот показатель соответствует 1,43, хотя общее количество самоописаний у девочек традиционно выше (10,34 против 8,03). Возможно, данный факт отражает подверженность младших школьников традиционной системе гендерных стереотипов, согласно которой от лиц мужского пола требуется более активный контакт с социальной реальностью.

Важным моментом является и то, что для младших школьников не являются важными социально-идентификационными параметрами собственные будущие профессиональные роли, а также актуальный социально-экономический статус семьи или представления о своем социально-экономическом положении в будущем, традиционно выделяемые в структуре социальной идентичности взрослых людей и, отчасти, подростков.

Анализ субъективной ценности и комфортности различных социальных ролей, проведенный с помощью Цвето-ассоциативной методики (ЦАМ) А.М. Парачева (см. таблицу 6), позволяет уточнить описанные выше данные. В качестве показателя субъективной ценности был использован средний ранг каждого понятия, полученный при соотнесении цветовой ассоциации с результатами проведения цветоранжировочной процедуры. Комфортность ролей оценивалась с помощью одного из основных показателей методики ЦАМ – коэффициента комфортности.

Наиболее часто встречающиеся у младших школьников компоненты социальной идентичности являются для них в среднем более ценными, чем все остальные. Подобная тенденция характерна как для выборки в целом, так и для групп мальчиков и девочек, в которых показатели ценности гендерно-возрастных ролей соответствуют их паспортному возрасту и полу.

Сопоставление показателей субъективной ценности и комфортности различных социальных ролей также показывает относительно низкую ценность ролей, демонстрирующих принадлежность к социальным группам, являющимися для младших школьников «аут-группами». В плане возрастных ролей в роли такой группы выступает группа пожилых людей, в меньшей степени – подростков и взрослых (видимо, это связано с тем, что некоторые младшие школьники, как следует из таблицы 5, идентифицируют себя с этими возрастными группами).

Таблица 6.

Субъективная ценность и комфортность социальных ролей для младших школьников

Оцениваемые социальные роли	Субъективная ценность ролей			Комфортность ролей	
	В среднем	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики
Девочка	3,47	3,13	3,30	1,5	1,3
Женщина	3,57	3,66	3,68	2,3	1,9
Ребенок	3,64	3,60	3,75	4,3	4,3
Мальчик	3,67	4,37**	3,00**	1,7	7,0
Россиянин	3,88	3,83	4,21	2,5	2,5
Люди моей национальности	4,12	3,96	4,35	2,3	0,8
Подросток	4,14	3,84*	4,90*	1,5	0,8
Взрослый	4,29	4,15	4,28	1,5	2,2
Богатый	4,33	3,93	4,87	1,9	1,7
Люди другой национальности	4,52	4,62	4,71	0,7	0,7
Старуха	4,75	4,90	4,75	0,6	0,7
Новый русский	4,86	4,88	4,96	1,0	1,0
Мужчина	4,95	5,03	4,33	0,6	0,4
Старик	5,14	5,09	4,93	0,9	0,8
Бедный	5,53	5,79	5,28	0,7	0,5
Бомж	6,37	6,73	5,31	0,0	0,1

* различия значимы $p \leq 0,05$

** различия значимы $p \leq 0,01$

В плане гендерных ролей в роли «аут-групп» выступают группы, объединяющие людей противоположного паспортному полу. Здесь, однако, стоит отметить, что для выборки мальчиков характерна более высокая ценность женских ролей, нежели мужских в выборке девочек, что, скорее всего, отражает специфику гендерной социализации мальчиков: как известно, первичной для любого ребенка является идентификация с матерью, и мальчикам в дальнейшем приходится изменить первичную женскую идентификацию на мужскую, что является крайне непростой задачей, поскольку почти все взрослые, с которыми близко общается ребенок в детском саду и школе, - это женщины (Клецина И.С., 1998).

В плане этнических и национальных ролей противопоставление осуществляется по отношению к группе людей другой этнической принадлежности (которая, по всей вероятности, в сознании младших школьников представляет собой объединение этнических и национальных признаков).

Таким образом, в структуре социальной идентичности младших школьников можно выделить блок характеристик, с которыми дети себя

отождествляют, а также блок характеристик, «запускающих» механизмы отрицательной самоидентификации. Очевидно, что здесь мы имеем дело с достаточно универсальным механизмом формирования идентичности – механизмом противопоставления, описанным еще в работах Б.Ф.Поршнева, отмечавшего, говоря о механизмах формирования этнического самосознания, что «всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет; мера противопоставления есть мера объединения» (Поршнев Б.Ф., 1973, с. 12 – 14).

Очевидно, что в число ролей с отрицательной идентификацией входят преимущественно те, которые характеризуют представителей аут-групп. При этом, как уже отмечалось, для мальчиков такое противопоставление по гендерным ролям, в отличие от девочек, не характерно, наблюдается идентификация с женскими ролями, что вероятно, обуславливает значимо низкие значения по шкале гендерной идентификации по сравнению с девочками ($t=2,65$, $p\leq 0,01$). В целом, количество положительных социальных идентификаций у мальчиков больше, чем у девочек.

В целом, говоря о структуре социальной идентичности в младшего школьного детства, можно отметить ряд ключевых моментов, выделенных нами на основании проведенного эмпирического исследования. Во-первых, в младшем школьном возрасте социальная идентичность находится в процессе своего формирования, а именно на этапе грубого разграничения социальных ролей по принципу «свое» и «чужое», проявляющегося в идентификации с референтной группой и противопоставления внешним группам, приобретающим в глазах школьников негативную эмоциональную оценку. Во-вторых, в структуре социальной идентичности младших школьников наибольшее значение имеют компоненты, отражающие идентификацию с социальной группой школьников, а также возрастной и гендерный аспекты социальной идентичности. И, наконец, необходимо отметить, что более значимыми компонентами самосознания младших школьников оказываются идентификационные характеристики, относящиеся не к социальной, а личностной идентичности (в первую очередь, свойства собственной личности и самооценка).

Структура социальной идентичности в подростковом и зрелом возрастах, выявившаяся в наших эмпирических исследованиях, отражена в таблице 7. Данные, представленные в этой таблице, получены с помощью методики «Кто я?», общий объем выборки подростков и взрослых людей – 127 человек.

Как видно из таблицы 7, в подростковом и зрелом возрастах социальная идентичность включает в себя те же самые компоненты, которые выявились при исследовании обыденных представлений о структуре социальных идентификаций, а также при анализе данных, полученных на выборке младших школьников. Подростки чаще всего идентифицируют себя с ролью «ученика» (0,08), а также с гендерными (0,08) и возрастными (0,06) ролями. Чуть менее актуальными являются профессиональные (будущая профессия, 0,03), национальная (0,02), этническая (0,02) и городская (0,01) идентичности.

Возрастные роли, которые подростки включают в свои самоописания, в отличие от остальных, неоднозначны. Некоторые подростки идентифицируют себя с группой «детей» (0,01), некоторые – «взрослых» (0,01), но большинство из них выделяют себя как особую возрастную группу «подростки» (0,03), «юноши-девушки» (0,01). На наш взгляд, этот факт отражает специфику процесса взросления в современных социальных условиях.

Взросление – это сложный процесс. Одним из его психологических аспектов является становление новой возрастной идентичности – идентичности «Я-взрослый», идентификация себя с возрастной группой «взрослые». Взросление предполагает необходимость преодоления идентификационного разрыва между образом «Я» и образом «взрослого», выступающим в качестве идентификационного эталона. Однако в современных условиях образ «взрослого» теряет свою однозначность, которую он имел прежде. Этому способствуют и утрата четких социальных границ возрастных этапов (Проценко Л.М., 2001), и поляризация норм поведения «детей» и «взрослых» (Мид М., 1988), и стремление общества к воспроизводству взрослости как приоритетного модуса развития человека (Чеботарева Е.Э., 2002) и т.д. Результаты наших эмпирических исследований показывают, что возрастная идентичность является одним из самых уязвимых компонентов социальной идентичности ребенка и подростка в случае отклонения от нормативного курса социализации, причем в первую очередь искажается содержание идентификационных эталонов (см. раздел 3.3).

Таблица 7.

Актуальные компоненты социальной идентичности в различные периоды жизни человека

Компоненты социальной идентичности	Удельный вес компонентов в структуре самоописаний		
	младших школьников	подростков	зрелых людей
Ученическая	0,08	0,08	-
Гендерная	0,08	0,08	0,01
Национальная	0,01	0,02	менее 0,01
Возрастная	0,04	0,06	менее 0,01
Этническая	0,01	0,02	менее 0,01
Городская	0,01	0,01	-
Профессиональная	0,01	0,03	0,02
Религиозная	0,01	-	менее 0,01

В этой связи очень показательны выявленные в нашем исследовании с помощью кластерного анализа семантические структуры категории «взрослый», типичные для детей (113 человек в возрасте 6-8 лет) и подростков (89 человек в возрасте 13-15 лет). Они практически идентичны и выглядят следующим образом. Наиболее содержательно нагруженный кластер составляют различные атрибуты «взрослой жизни»: «машина», «деньги», «мобильный

телефон», «жена» и др. (0,57 и 0,30 в выборках детей и подростков соответственно). Еще один кластер включает в себя представления о более богатом жизненном опыте взрослого человека (0,11 и 0,27). Третий кластер связан с представлением о взрослости как о периоде свободы и возможности доминирования над представителями других возрастных групп (0,32 и 0,43). Обращает на себя внимание тот факт, что «ответственность» и семантически связанные с ней категории появляются в каждой выборке с частотой менее 0,01. Очевидно, что ориентиром для содержательного наполнения программ социально-психологического сопровождения взросления должно являться создание условий для формирования у детей и подростков гармоничного образа «взрослого», в котором «взрослые права» уравновешены со «взрослыми обязанностями», и ассимиляции этого образа в качестве идентификационного эталона.

В самоописаниях зрелых людей по вполне понятным причинам не встречается роль «ученика», приоритетное место которой занимает идентификация со своей профессиональной (0,02), а также гендерной (0,01) группой. Возрастная, этническая, национальная, городская и религиозные идентичности встречаются реже (менее 0,01).

На рисунке 3 представлено процентное *соотношение числа социально-идентификационных характеристик в выборках младших школьников, подростков и зрелых людей.*

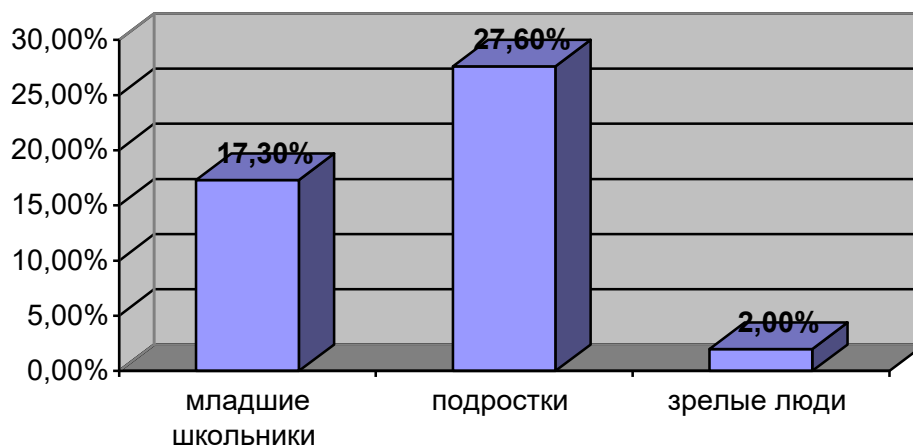

Рисунок 3. Количество самоописаний, относящихся к сфере социальной идентичности, в выборках младших школьников, подростков и зрелых людей

Очевидно, что на подростковый возраст, который традиционно рассматривается в качестве периода бурного становления социальной идентичности, приходится больше всего соответствующих характеристик. Социальные роли, как реальные, так и потенциальные (например, профессиональные) составляют почти треть (27,6 %) самоописаний подростков. Однако, в выборке младших школьников также наблюдается довольно большое число подобных характеристик (17,6 %). На наш взгляд, это говорит о том, человек начинает предпринимать попытки осмысления своего места в общественных

отношениях значительно раньше, нежели на рубеже подросткового и юношеского возрастов, вероятнее всего, в период дошкольного детства. К зрелому возрасту число актуальных социальных ролей отдельно взятого человека резко сокращается (2,0 %), но при этом разнообразие социальных идентификаций в выборке в целом сохраняется на прежнем уровне, что, по всей видимости, свидетельствует об устоявшейся иерархии компонентов социальной идентичности на этом этапе жизни, устойчивом предпочтении тех или иных социальных ролей во взаимодействии с людьми.

Описанные в данном разделе результаты позволяют говорить о том, что:

- Социальная идентичность начинает формироваться в дошкольном детстве, и к младшему школьному возрасту дети четко идентифицируют «свои» и «чужие» социальные группы, демонстрируя более низкие оценки последних. Спектр социальных групп, представителями которых считают себя младшие школьники, отражает актуальные для современного российского общества компоненты социальной идентичности в полном объеме.
- Наибольшее место в самосознании личности социальная идентичность занимает в подростковом возрасте, на который приходится этап активного осмысления человеком своей жизни в целом и места в общественных отношениях в частности.
- Социальная идентичность личности претерпевает изменения на протяжении ее жизненного пути, причем эти изменения связаны не с набором тех социальных ролей, с которыми идентифицирует себя человек, а со степенью их иерархизированности в структуре социальной идентичности отдельной личности. В младшем школьном и особенно подростковом возрастах структура социальной идентичности более динамична, чем в зрелом возрасте, когда у человека уже сформировался устойчивый приоритет одних ее компонентов над другими.
- Отдельные компоненты социальной идентичности (в частности, возрастная) проходят через закономерные кризисы. Можно предположить, что аналогичные кризисы могут претерпевать все компоненты социальной идентичности, в том случае, если человек попадает в ситуацию изменения соответствующих им социальных условий.

3.3. Структура социальной идентичности как отражение социальной ситуации личности

Как уже отмечалось выше, в своих исследованиях социальной идентичности мы исходим из предположения о том, структура социальной идентичности личности динамична и реагирует на любые изменения социальной ситуации. В каждый момент времени у конкретного человека наиболее актуальным являются некоторые, соответствующие ситуации компоненты социальной идентичности, которые определяют иерархию его системы норм и ценностей, а также реализуемые поведенческие модели.

Для эмпирической проверки этой гипотезы мы обратились к сопоставлению структурных особенностей социальной идентичности, выявленных у представителей различных возрастных групп, которые находились на момент исследования в существенно различающихся социальных ситуациях.

В частности, нами было проведено *сравнение структуры социальной идентичности младших школьников, воспитывающихся в условиях семьи и детского дома* (2008 г.). Было сформулировано и эмпирически подтверждено предположение о том, что семейная депривация замедляет и обедняет процессы социальной идентификации младших школьников. Выборку составили дети в возрасте 7-9 лет, учащиеся 1-3 класса, воспитанники детских домов Санкт-Петербурга (28 девочек и 26 мальчиков). Полученные результаты сопоставлялись с данными, полученными в ходе первого этапа исследования на выборке младших школьников, воспитывающихся в семьях (132 человека). Основными методами исследования явились опросник «Кто Я?» Куна и МакПортленда и методика «Цветовой анализатор мира» (ЦАМ) А.М. Парачева.

Результаты исследования показали, что удельный вес социально-идентификационных параметров в структуре самоописаний младших школьников-воспитанников детского дома составляет 11,6 %, что более чем на треть меньше, чем в выборке их сверстников, живущих в семьях (17,3 %) (см. таблицу 8).

Таблица 8.

Актуальные компоненты социальной идентичности младших школьников в условиях семейной депривации

Компонент социальной идентичности	Удельный вес в структуре самоописаний	
	воспитанников детдома	в контрольной группе
Ученическая	0,06	0,08
Гендерно-возрастная (мальчик-девочка)	0,02	0,07
Гендерно-возрастная (мужчина-женщина)	0,01	0,01
Национальная	-	0,01
Возрастная (ребенок)	-	0,01
Возрастная (взрослый)	-	0,01
Возрастная (подросток)	-	0,01
Этническая	-	0,01
Городская	-	0,01
Профессиональная	-	0,01
Религиозная	-	0,01

Для воспитанников детских домов характерен значительно более узкий спектр принимаемых социальных ролей: гендерно-возрастные роли «маль-

чик-девочка», «мужчина-женщина», а также роль «ученика». В контрольной группе насчитывается 11 таких ролей. Эти результаты позволяют говорить о том, что в условиях семейной депривации детям транслируется содержание только тех компонентов социальной идентичности, которые, по данным наших предыдущих исследований (см. раздел 3.1), являются наиболее актуальными в современном российском обществе, а также являются общими для большинства из них: «профессиональной» (в нашем случае «ученической»), гендерной и возрастной. Этническая идентичность, также весьма актуальная в современной России, не получила своего отражения в структуре социальной идентичности младших школьников-воспитанников детских домов, по всей вероятности, в силу того, что этнический признак не объединяет их в единую группу, а, напротив, дифференцирует. Аналогичные выводы позволяют сделать и результаты, полученные с помощью методики ЦАМ, которые представлены в таблице 9.

Таблица 9.

Отношение младших школьников-воспитанников детских домов к различным социальным группам

Социальные роли		Воспитанники детдома		Контрольная группа	
		Ранг	Комфортность	Ранг	Комфортность
Гендерно-возрастные	1. мальчик	3,78	3,8	3,66	4,3
	2. девочка	3,47	3,7	3,51	3,4
	3. мужчина	3,84	0,9	4,73	0,5
	4. женщина	3,31	2,2	3,67	2,1
	5. старик	3,95	0,7	5,01	0,9
	6. старуха	5,05	1,1	4,83	0,6
Возрастные	7. взрослый	3,05	3,8	4,25	1,9
	8. ребенок	2,89	2,17	3,68	4,3
	9. подросток	3,47	1,71	4,44	1,0
Этнические	10.люди другой национальности	4,05	1,9	4,66	0,7
	11.люди моей национальности	2,67	2,8	3,83	1,6
Социально-экономические	12.новый русский	3,31	2,2	4,92	1,0
	13.бедный	3,58	3,6	5,59	0,7
	14.богатый	2,97	2,7	4,42	1,9
	15.бомж	4,71	1,1	6,23	0,1
Национальная	16. граждане моей страны	3,21	2,8	4,21	2,5
	17.граждане других стран	4,83	1,0	5,01	0,1

Младшие школьники-воспитанники детских домов уверенно идентифицируются со своей гендерной группой, при этом образ гендерной ау-

группы для них в целом также позитивен, хотя и менее комфортен. Возрастная идентификация вызывает затруднения, связанные с субъективной неопределенностью возрастного статуса, однако ее преодолению способствует сформированная оппозиция «молодость – старость». Этнический, национальный и социально-экономический компоненты социальной идентичности находятся в процессе становления, на что указывает выраженная (в сравнении с контрольной группой) дифференциация ин- и аут-групп по параметрам привлекательности и комфортности.

Итак, структура социальной идентичности младших школьников-воспитанников детского дома имеет специфику, выражающуюся в сокращении спектра усваиваемых социальных ролей и замедления процессов социальной идентификации в целом.

Подростковый и юношеский возраст был включен в наше исследование посредством *сопоставления структур социальной идентичности нормативно развивающихся и так называемых «уличных» подростков.*

По определению Конституции европейской сети по работе с уличными детьми (ENSCW) к этой группе относятся дети и подростки, которые, вне зависимости от наличия или отсутствия семьи, большую часть времени проводят на улице, и именно улица оказывает основополагающее влияние на их образ жизни и личностное развитие. Становление личности уличного подростка в большинстве случаев протекает на фоне приобщения к токсическим и наркотическим веществам, формирования позиции «потребителя», склонности к свободному от каких бы то ни было обязанностей образу жизни, а также стигматизации со стороны большей части населения. В итоге, формируются такие типичные для этой группы личностные черты, как неадекватная временная перспектива, отсутствие навыков планирования, низкий уровень самоконтроля, инфантилизм, неадекватное самовосприятие и восприятие других людей, которых уличные подростки противопоставляют «себе» как «они». Мы предполагали, что уличный образ жизни оказывает существенное влияние на процессы социальной идентификации, обедняя спектр социальных ролей, которые уличные подростки осознают как «свои» и сужая число социальных групп, к которым они себя причисляют.

В исследовании, проведенном в 2006-2007 г.г. с помощью методики Куна и МакПортленда «Кто Я?» приняло участие 28 уличных подростков в возрасте от 16 до 18 лет (экспериментальная группа). Именно такой возрастной диапазон объясняется тем, что границы категории «уличные подростки» довольно условны. По сложившейся в нашей стране практике оказания психолого-социальной помощи, к их числу относят подростков в возрасте от 14 до 18 лет включительно. Результаты социологических исследований показывают, что на современном этапе развития российского общества, по крайней мере, в крупных городах, наблюдается «взросление» уличных подростков, и сегодня их средний возраст составляет 16-17 лет. Контрольная группа из 28 подростков, ведущих нормативный образ жизни, по показателю возраста была уравнена с экспериментальной. В исследовании приняли участие только

испытуемые мужского пола, что объясняется подавляющим доминированием доли мальчиков среди уличных детей Санкт-Петербурга (более 75 %).

Результаты исследования позволяют подтвердить гипотезу о том, что компоненты социальной идентичности уличных подростков менее вариативны, чем у представителей нормативной выборки (таблица 9).

Таблица 9.

Актуальные компоненты социальной идентичности уличных подростков

Компонент социальной идентичности	Количество подростков, в самописание которых включен данный компонент (%)	
	Уличные подростки	Контрольная группа
Ученическая	36,4 %	63,2 %
Гендерно-возрастная (мальчик-девочка)	56,9 %	57,4 %
Национальная	-	14,9 %
Этническая	-	21,1 %
Городская	-	14,9 %
Профессиональная	-	18,3 %

В самоописаниях уличных подростков, как правило, встречается не более одной социальной роли, в то время как в нормативной выборке – две-три (различия статистически значимы). Уличные подростки идентифицируют себя только с учебными и половозрастными группами, причем их возрастные идентификации варьируются от «ребенка» и «подростка» до «взрослого». Подростки, составляющие нормативную выборку, помимо однозначного указания своих учебных, возрастных и гендерных ролей, демонстрируют идентификации с ролями «русский», «гражданин России», «петербуржец», а также с профессиональным группами, к которым они принадлежат.

Полученные результаты, с одной стороны, отражают общую тенденцию, согласно которой уровень рефлексии и способности к самоописаниям у уличных подростков ниже, чем в нормативной выборке (статистически значимые различия наблюдаются не только по показателю количества социальных идентификаций, но и по количеству самоописаний, отражающих личностную идентичность испытуемых). С другой стороны, столь узкий спектр социальных групп, к которым причисляют себя уличные подростки, отражает реалии их существования. Действительно, «входным билетом» в референтные для них группы является их возраст, их роль в группе определяется половой принадлежностью, а связь с социумом они поддерживают преимущественно через учебные заведения, в которых числятся и в которых находятся их документы. При этом вполне вероятно, что именно возраст является наиболее противоречивой идентификационной характеристикой. Дело в том, что в процессах возрастной идентификации уличных подростков отражаются противоречия между стремлением к независимости и инфантилизмом (аскриптивные признаки взрослых и детей соответственно), а также желанием

поскорее повзрослеть, чтобы приобрести дополнительные права и в то же время остаться в статусе ребенка, поскольку он дает дополнительные преимущества в плане помощи от различных социозащитных организаций. Таким образом, модно утверждать, что в структуре социальной идентичности уличных подростков актуальны именно те компоненты, которые адекватны социальной ситуации их развития.

Процессы *трансформации структуры социальной идентичности в зрелом возрасте* изучались *на примере созависимости*.

В современной психологической литературе феномен созависимости описан достаточно полно. Практикой психологической помощи наркозависимым, а также результатами эмпирических исследований показано, что созависимость является фактором, нарушающим личностное благополучие человека, создающим препятствия на пути самореализации личности.

Формирование созависимых отношений с близким человеком предполагает трансформацию ценностно-смысловой сферы личности и жизненных отношений созависимого, в том числе и отношения к самому себе. Происходит коренное изменение Я-образа изменяется его содержание и структура (Валентик Ю.В., 2001; Яцышин С.М., 2003).

В нашем исследовании (2002 г.) приняли участие 86 матерей наркозависимых, впервые обратившиеся за психологической помощью, в возрасте от 40 до 53 лет. Они составили экспериментальную выборку. Их дети (в возрасте от 15 до 24 лет) злоупотребляют опиатами (героин) в среднем в течение 1,8 лет (от 3 месяцев до 6 лет). В контрольную выборку вошли 50 матерей, чьи дети не страдают наркотическими зависимостями. Экспериментальная и контрольная выборки были максимально уравновешены по формальным признакам: возрасту матерей и детей, образованию матерей, семейному положению, полу детей и т.д. Исследование проводилось с помощью модифицированной методики «Кто Я? Десять утверждений» Куна и МакПортленда. При обработке и анализе полученных результатов акцент был сделан на анализе самоописаний, отражающих самоидентификации женщин с теми или иными социальными ролями.

Полученные результаты позволяют утверждать, что удельный вес социально-идентификационных характеристик к структуре самоописаний созависимых и независимых женщин примерно одинаков и составляет около 11 % от общего числа приписываемых себе характеристик (1,98 % и 1,85 % соответственно). Однако выявились существенные различия в структурах актуальных компонентов социальной идентичности испытуемых в обеих выборках (см. таблицу 10).

Для созависимых женщин более типичными являются идентификации с гендерной и возрастной социальными группами (группами «женщин» и «взрослых») – группами, членство в которых не предполагает выраженной социальной активности. Женщины и контрольной группы, наоборот, значительно чаще идентифицируют себя со своей профессиональной группой, что позволяет предположить, что границы их субъективного социального мира

значительно шире, а, следовательно, шире и возможности для самореализации.

Тем не менее, общее количество социальных групп, с которыми идентифицируют себя созависимые женщины, отличается от аналогичного показателя контрольной группы несущественно. Вероятно, к зрелому возрасту, когда, как было показано в разделе 3.2, структура социальной идентичности личности становится более устойчивой, стрессогенные воздействия оказывают на нее относительно меньшее влияние, нежели на предыдущих этапах жизненного пути.

Таблица 10.

Структура социальной идентичности созависимых женщин в сравнении с контрольной группой

Компоненты социальной идентичности	Удельный вес компонентов в структуре социальной идентичности	
	созависимых женщин	в контрольной группе
1. Гендерный*	0,59	0,38
2. Возрастной	0,23	0,16
3. Профессиональный*	0,13	0,32
4. Религиозный	0,05	0,09
5. Этнический	-	0,05

* компоненты социальной идентичности, по которым выявлены статистически значимые различия

Итак, полученные результаты свидетельствуют о том, что социальная идентичность созависимых женщин претерпевает изменения, связанные со снижением уровня их социальной активности. Однако сопоставление таблиц 3 и 4 показывает, что в зрелом возрасте структура социальной идентичности оказывается более устойчивой к неблагоприятным воздействиям, нежели в подростковом и юношеском, на который приходится пик социально-идентификационной активности.

В целом, приведенные в этом разделе данные о структуре социальной идентичности личности людей, находящихся в различных социальных ситуациях, позволяет сделать ряд выводов:

- Социальная идентичность личности представляет собой сложное образование, различные компоненты которого могут актуализироваться под воздействием изменений социальной ситуации, отражая эти изменения. Актуализировавшиеся компоненты социальной идентичности играют наиболее существенную роль в регуляции социального поведения личности, в то время как остальные компоненты отходят на второй план, и участие связанных с ними норм и ценностей в регуляции социального поведения сокращается.
- Социальная идентичность личности начинает формироваться в период дошкольного детства и к началу младшего школьного возраста уже обладает достаточно разветвленной структурой. Однако в самоописаниях детей лич-

ностно-идентификационные характеристики доминируют над социальными. Апогей развития социальной идентичности приходится на подростковый и юношеский возраст, когда основной задачей развития становится самоопределение, в том числе и определение своего места в системе общественных отношений. В этот момент структура социальной идентичности является наиболее уязвимой для неблагоприятных социальных воздействий. В период зрелости структура социальной идентичности стабилизируется и становится менее подверженной негативным влияниям, однако и на этом жизненном этапе она может претерпевать изменения под воздействием различных стрессогенных факторов, связанных с изменениями социальной ситуации.

➤ Формирование структуры социальных идентификаций, адекватных современной системе общественных отношений, происходит в условиях нормативной социализации: семейной, ученической, профессиональной. Отклонение процесса социализации от нормативного течения по принципу депривации того или иного ее аспекта приводит к трансформации структуры социальной идентичности в сторону сужения пространства социальных идентификаций.

4. СЕМЬЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА)

Одним из актуальных вопросов в современной психологии является вопрос о социокультурных основаниях первичной социализации ребенка, происходящей в рамках семейных отношений. Различными науками – психологией, педагогикой, социологией, демографией, этнографией и т.д. – выявлены разнообразные функции семьи по отношению к развитию ребенка и становлению его личности, среди которых чаще других отмечаются социализирующие воздействия.

Семейная социализация, которая зачастую характеризуется как «естественная социализация», представляет собой процесс усвоения ребенком нормативов поведения и ценностей в семейных и социальных ролях, который проходит в пространстве семьи как относительно самодостаточной системы, в процессе взаимодействия ребенка со значимыми взрослыми, являющимся, как известно, наиболее эффективной формой трансляции ребенку тех или иных образцов поведения.

Формирование социальной идентичности личности, позволяющих ей ориентироваться в своем социальном окружении и являющейся «призмой» для интерпретации собственного опыта взаимодействия с другими людьми, является одним из важнейших результатов социализации (Ядов В.А., 2000).

Социальная идентичность возникает из осознания своего членства в различных социальных группах – гендерных, этнических, возрастных, профессиональных и т.д. – вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству, и, следовательно, обладает смысловой природой. Она образуется с помощью механизмов отождествления и дифференциации с теми или иными группами (соответственно ин-группами и аут-группами) и развивается на протяжении всей жизни человека в соответствии с изменениями социального контекста в форме идентификации человека с теми или иными социальными группами и реализации соответствующих им социальных ролей.

Поскольку именно семья является своеобразной проекцией «большой культуры», первичной средой, приобщающей ребенка к опыту того или иного общества, именно в ней в первую очередь формируются представления о социальных группах, социальных ролях, а также соответствующих им формах поведения, необходимых для успешного функционирования человека в обществе. Очень важно, что ребенок не просто механически усваивает и воспроизводит те или иные образцы, но трансформирует их в насыщенные личностными смыслами ценности, реализуемые в индивидуализированных формах социального поведения (Битянова М.Р., 2001).

В качестве другого немаловажного момента необходимо отметить, что и сама семья является не пассивным транслятором социальных ролей и типичных для них шаблонов поведения, она преломляет их в индивидуальном опыте жизни каждого поколения, что постепенно создает уникальный внут-

рисемейный взгляд на сущность и особенности тех или иных социальных групп, тем самым задавая уникальные ориентиры процессу социальной идентификации каждого конкретного ребенка.

Однако необходимо отметить, что на сегодняшний день недостаточно прояснен вопрос о психологических механизмах социализирующего влияния семьи, в частности, о механизмах формирования социальной идентичности ребенка в процессе семейной социализации. Мы исходим из того, что семья, являясь особым социокультурным пространством, создает для ребенка особое ценностно-смысловое поле, с помощью которого ребенок в дальнейшем будет ориентироваться в социальном взаимодействии и регулировать собственное социальное поведение. Это предположение основано на идее о том, что любое взаимодействие между людьми содержит в себе смысловой пласт, который представляет собой разворачивание индивидуальных смысловых систем взаимодействующих субъектов, способствующих созданию единого смыслового пространства взаимодействия – важнейшего условия его эффективности (Доценко Е.Л., 1997).

В качестве отдельных параметров ценностно-смыслового влияния семьи на формирование социальной идентичности ребенка в нашем исследовании рассмотрены семейные ценности, традиции, мифы и послания. Все эти феномены внутрисемейного взаимодействия обладают смысловой природой и создают своеобразную систему значений, лежащую в основе семейного «Мы» и транслирующую ребенку ориентиры для социальной идентификации. При этом образ семьи понимался как элемент семейного самосознания, включающий в себя представления о семейной истории и ценностях (Лебедева Н.Н., Минеева О.А., 2003; Разумова И.А., 2001; Сапогова Е.Е., 2004). Родительские послания рассматривались как родительские ожидания, транслируемые ребенку в вербальной или невербальной форме (Шевченко Ю.С., Добридень В.П., 1998; Франкл Дж., 1998; Берн Э., 1992; Джеймс М., Джонгвард Д., 1993; Уолен С., Ди Гусепп Р., Уэсслер Р., 1997). Под традициями понимались реальные поведенческие практики, сложившиеся и ставшими устойчивыми в ходе развития семьи, а также сопутствующие им ценностные представления (Бондырева С.К., Колесов Д.В., 2004).

На этапе пилотажного исследования, в котором приняли участие 115 младших школьников (65 девочек и 52 мальчиков в возрасте 7-9 лет), ***роль семейной социализации в формировании социальной идентичности младшего школьника*** изучалась с помощью структурированного интервью. Предлагаемые испытуемым вопросы касались:

1. семейных традиций, выражаемых в отмечаемых всей семьей праздниках, кулинарных предпочтениях семьи, способах организации досуга;
2. семейных посланий, как прямых, в виде формулируемых родителями предположений и ожиданий относительно будущей жизни ребенка, так и косвенных, транслируемых характером ежедневного взаимодействия с ним;
3. семейных ценностей отражающих представления семьи о том, что для нее является самым главным в жизни:

4. семейных мифов, функционирующих в виде историй из жизни членов семьи, представляющих для ребенка идентификационные образцы.

В качестве дополнительного метода использовалось сочинение проективной сказки с предварительным символическим кодированием ролей, существующего в семье испытуемого.

Полученные данные подвергались контент-анализу, в ходе которого фиксировались транслируемые детям социальные роли. Учитывались как прямые указания на ту или иную социальную роль («Родители говорят, что когда я вырасту, я буду богатым»), так и косвенные («Самое главное для нашей семьи – это деньги»). В итоге были выявлены аспекты социальной идентичности ребенка, которые являются значимыми в ценностно-смысловом пространстве семьи. В их число вошли гендерная, возрастная, этническая, социально-экономическая, религиозная, профессиональная и национальная идентичности.

Для оценки подобных семейных влияний на формирование социальной идентичности младших школьников данные, полученные в ходе интервью и сочинения проективной сказки, с помощью корреляционного и критериального анализа сопоставлялись с результатами методики «Кто Я?». Модифицированная процедура обработки и интерпретации предполагала фиксацию упоминаний испытуемыми тех или иных социальных ролей, которые рассматривались в качестве актуальных компонентов социальной идентичности ребенка.

Еще одним интерпретационным контекстом послужила оценка таких условно объективных параметров внутрисемейного взаимодействия, как общий уровень его благополучия, тревожность, конфликтность и неполноценность ребенка во взаимодействии с членами семьи. Для этого использовалась модифицированная методика «Кинетический рисунок семьи».

Результаты исследования позволяют утверждать, что наибольшая доля семейных влияний приходится на формирование профессиональной и социально-экономической идентичностей посредством посланий, ориентированных в будущее, а также гендерной идентичности, формируемой, прежде всего, в практике повседневной жизни семьи, связанной с наличием в семье представителей обоих полов (см. таблицу 11).

Как видно, прямого совпадения усваиваемых младшими школьниками семейных влияний с актуальными для них аспектами социальной идентичности, нашедших свое отражение в структуре Я-концепции, не наблюдается. Так, такие важные с точки зрения семьи моменты, как будущие социально-экономические и профессиональные роли, в сознании младших школьников не являются значимыми, судя по всему потому, что не связаны с реалиями их нынешней жизни, в отличие от роли ученика (29,0 %), не нашедшей отражения в семейных влияниях.

Таблица 11.

Ценностно-смысловые каналы отраженного влияния семьи на формирование социальной идентичности (СИ) младшего школьника (по материалам структурированного интервью с детьми)

Аспекты СИ	Ценностно-смысловое влияние семьи					
	По выборке в целом	Каналы трансляции	Встречаемость			
			В выборке девочек		В выборке мальчиков	
Гендерная	33,7 %	Традиции	30,2 %	30,2 %	34,4 %	37,5 %
		Послания				
		Ценности				
		Мифы			6,3 %	
Возрастная	9,4 %	Традиции	1,9 %	3,8 %	3,1 %	9,4 %
		Послания	1,9 %		6,3 %	
		Ценности				
		Мифы				
Социально-экономическая	28,3 %	Традиции	1,9 %	20,8 %	3,1 %	34,5 %
		Послания	7,5 %		28,1 %	
		Ценности	11,3 %		6,3 %	
		Мифы	1,9 %			
Этническая	2,5 %	Традиции		1,9 %	3,1 %	3,1 %
		Послания	1,9 %			
		Ценности				
		Мифы				
Религиозная	12,8 %	Традиции	3,8 %	3,8 %	18,7 %	21,8 %
		Послания				
		Ценности			3,1 %	
		Мифы				
Профессиональная	63,4 %	Традиции	9,4 %	83,0 %	15,6 %	43,8 %
		Послания	77,4 %		31,2 %	
		Ценности				
		Мифы				
Национальная	14,7 %	Традиции	5,7 %	7,5 %	12,5 %	21,8 %
		Послания				
		Ценности				
		Мифы	1,9 %		9,4 %	

Можно выделить ряд различий между семейными влияниями в выборках мальчиков и девочек. В выборке мальчиков значительно более выражены влияния, связанные с формированием социально-экономической, ре-

лигиозной и национальной идентичности, тогда как в выборке девочек – профессиональной, связанной преимущественно с «женскими» профессиями – парикмахера, учителя, модели, что иллюстрирует отмечаемый многими исследователями синкретизм различных социальных ролей в обыденном сознании и их взаимодополняемость в регуляции социального поведения человека.

В целях изучения взаимосвязи между структурой социальной идентичности младших школьников и семейными влияниями, ориентированными на ее формирование, выборка была поделена на две подгруппы с помощью кластеризации. Выделившиеся подгруппы различаются, прежде всего, по характеристикам внутрисемейных отношений и Я-концепции испытуемых. Эти результаты, а также результаты корреляционного анализа, проведенного внутри образовавшихся подгрупп, позволяют говорить о том, что более широкая структура социальной идентичности встречается у тех младших школьников, для семей которых характерен благоприятный социально-психологический климат. Благоприятная семейная ситуация, в частности, способствует идентификации с социальными ин-группами и противопоставлению себя аут-группам ($p \leq 0,05$).

В семьях с благоприятным социально-психологическим климатом в целом чаще встречаются ценностно-смысловые влияния, ориентированные на формирование возрастной, религиозной, этнической и национальной идентичности. Важно, что большинство этих влияний прямо связаны с выраженностью соответствующих аспектов в структуре социальной идентичности младших школьников ($p \leq 0,05$), что позволяет рассматривать благоприятный социально-психологический климат в семье в качестве условия принятия ребенком формирующих воздействий. Подтверждением этому является и тот факт, что в семьях с неблагоприятным климатом акцентированы социально-экономические и профессиональные послания ($p \leq 0,01$), не актуальные для детей и отражающие скорее перспективы далекого будущего, отражение и планирование которого в этом возрасте еще затруднено.

Приведем несколько примеров социализирующего влияния семьи на становление социальной идентичности в младшем школьном возрасте.

Девочка, 8 лет, живет в полной нуклеарной семье, поддерживающей контакты с представителями старшего поколения семьи как по материнской, так и по отцовской линиям. Социально-психологический климат в семье в целом благоприятный, характерна низкая конфликтность, открытость членов семьи к общению друг с другом. В структуре социальной идентичности испытуемой представлены гендерный, этнический и возрастной компоненты. Первые два компонента находят свое отражение в социализирующих влияниях семьи. Так, к числу наиболее значимых праздников в семье относят 23 февраля и 8 марта, в которые принято уделять особое внимание мужчинам и женщинам – членам семьи. Девочке много рассказывают про прабабушку, подчеркивая ее обаяние, красоту, женственность. На праздники в семье принято говорить блюда национальной кухни, и главное качество, которое девочка отмечает в качестве особенности своей семьи – ее национальность, которой она гордится как собственным отличительным признаком. Таким образом, можно констатировать, что через каналы «традиции» и «семейные мифы» транслируются ориентиры для гендерной и этнической идентификации. Результа-

ты, полученные с помощью методики «Цветовой анализатор мира», позволяют говорить о том, что для девочки характерна выраженная дифференциация с аут-группами, которая иллюстрирует актуальность процесса становления социальной идентичности. Однако по социально-экономическим и по возрастным признакам эта дифференциация проявляется намного ярче, чем по этническим и гендерным характеристикам: противопоставление «Я» и «идеального Я» «мальчикам», «мужчинам», «людям другой национальности» по сравнению с «новыми русскими», «бомжами», «взрослыми» и «стариками» выражено значительно меньше. Этот факт позволяет говорить о том, что гендерная и этническая идентичности, развивающиеся в контексте соответствующих семейных влияний, на данном этапе более сформированы, нежели те аспекты, которые формируются вне социализирующего влияния семьи.

Мальчик, 9 лет, живет в полной нуклеарной семье. Внутрисемейное взаимодействие характеризуется напряженностью, конфликтностью, типично применение родителями физических наказаний. В самоописании мальчика отражается единственный аспект социальной идентичности – идентификация с ролью школьника. Родительские влияния направлены, прежде всего, на формирование профессиональной идентичности через канал «семейных посланий» («Родители хотят, чтобы я в будущем стал банкиром») и социально-экономической идентичности через каналы «семейных ценностей» («самое главное для нашей семьи – зарабатывать как можно больше денег») и «семейной мифологии» («До революции наша семья была очень богатой и владела целым домом на Невском проспекте»). Идентификационным образцом для мальчика является отец, главная черта которого заключается в том, что «он зарабатывает много денег». Несмотря на это, социализирующие влияния семьи не находят отражения в структуре актуальной социальной идентичности испытуемого. Более того, наблюдается идентификация «идеального Я» с группами «богатые» и «бомжи». Это позволяет предположить, что если социально-экономическая идентичность в данный момент и находится на этапе становления, то этот процесс носит характер внутриличностного конфликта, который не позволяет однозначно говорить о том, что родительские влияния ассимилируются в структуре социальной идентичности испытуемого и в будущем.

На основе проведенного пилотажного исследования были определены наиболее актуальные в контексте изучаемой проблемы ценностно-смысловые параметры семейных взаимоотношений: семейные традиции, родительские послания и образ семьи. Именно они в дальнейшем изучались в качестве **факторов семейной социализации младших школьников**, оказывающих влияние на становление их социальной идентичности.

На основном этапе исследования (2007 г.) использовались методы структурированного интервью отдельно с испытуемыми и их родителями, а также тестирования, представленного методиками «Десять Я» и «Кинетические рисунки семьи». В исследовании приняли участие 264 человека (65 мальчиков, 67 девочек и их родители).

В ходе интервью выяснилось, что сами младшие школьники воспринимают своих родителей в качестве идентификационных эталонов менее чем в четверти случаев (21,9 %). В этой связи родители существенно «проигрывают» известным актерам и певцам (31,7%), а также героям мультфильмов и кинофильмов (30,9 %), причем доля социальных идентификаций составляет менее 1 %. Это позволяет в определенной мере подтвердить предположение о том, что влияние родителей на становление социальной идентичности в

младшем школьном возрасте происходит не на основе механизма подражания, а в процессе вольного или невольного создания ими определенного ценностно-смыслового пространства семьи (см. таблицу 12).

Таблица 12.

Ценностно-смысловые каналы влияния семьи на становление социальной идентичности младшего школьника (по результатам контент-анализа интервью с родителями)

Компоненты социальной идентичности (СИ)	Ценностно-смысловые каналы семейного влияния (значимость, %)			Актуальность компонента СИ в структуре семейных влияний (%)	Удельный вес компонентов СИ в описаниях детей родителями
	Традиции семьи	Образ семьи	Семейные послания		
Возрастной	-	7,1	2,7	4,6	0,09
Гендерный	46,5	6,9	7,7	26,5	0,09
Национальный	4,3	-	4,9	4,4	0,01
Городской	-	7,3	-	1,2	0,02
Социально-экономический	4,7	35,9	11,5	13,0	-
Этнический	31,2	14,3	3,9	19,3	0,02
Ученический	8,6	21,5	23,4	15,5	0,11
Профессиональный	4,9	7,0	45,9	19,5	0,01

Как видно из таблицы, наиболее интенсивное влияние родителей, в той или иной степени осознаваемое ими, направлено на формирование гендерной (26,5%), профессиональной (19,5%) и этнической (19,3 %) идентичности ребенка.

Гендерный и этнический компоненты транслируются преимущественно посредством семейных традиций. В их число входит, прежде всего, отмечание «мужских» и «женских» (23 февраля и 8 марта, 0,54 и 0,68 соответственно), а также национальных (масленица, ханука и др., 0,32) праздников. Гендерный компонент также отражается в традициях разделения обязанностей между родителями в семье (0,35): «В нашей семье принято не обременять мужчин домашними хлопотами», «У нас есть традиция говорить с дочкой по воскресениям пирог для наших мужчин» и т.д. Этнический компонент, в свою очередь, может быть связан с соответствующими традициям кулинарными пристрастиями семьи («печь блины на масленицу» и т.д., 0,19), вниманием к другим элементам традиционной культуры («встречать родственников из другого города, как положено, хлебом-солью» и т.д., 0,12).

Профессиональный компонент социальной идентичности ребенка, связанный с представлениями о его будущей профессии, транслируется ему преимущественно посредством прямых родительских посланий соответству-

ющего содержания (45,9 %): «Хотелось бы, чтобы дочка в будущем стала музыкантом», «Надеюсь увидеть сына архитектором» и т.д.

Несколько меньшее значение в структуре родительских влияний имеют социальные идентификации «ученик» (15,5%) и «человек нашего уровня достатка» (13,0%). Первая транслируется преимущественно через представление о семье как «образованной» (0,41), через послание о «важности высшего образования» (0,33). Вторая связана с представлением об обеспеченности семьи как залоге ее благополучия («самое важное для нашей семьи - зарабатывать столько денег, чтобы хватало на интересный отдых» и т.д., 0,31) и надеждами на достойный уровень жизни ребенка в будущем («надеюсь, что, когда он вырастет, он сможет себя обеспечивать не хуже, чем мы обеспечиваем его сейчас» и т.д., 0,46).

Остальные компоненты социальной идентичности младших школьников (национальная, городская и возрастная) подвергаются осознаваемым родительским влияниям в незначительной (менее 5 %) степени.

Результаты критериального и корреляционного анализа показывают, что родительские влияния связаны с реальной иерархией компонентов социальной идентичности младших школьников прежде всего в случае благоприятного социально-психологического климата в семье, что подтверждается и результатами проведенного в 2006 г. пилотажного исследования.

Основным фактором, препятствующим интериоризации гендерного и этнического содержания семейных влияний, является высокий уровень конфликтности внутрисемейного взаимодействия (критерий χ^2 , $\alpha < 0,05$ и $\alpha < 0,01$) соответственно, что можно проинтерпретировать как результат протестных реакций на актуальные воздействия родителей, направленные на поведение ребенка «здесь и сейчас». Для ценностно-смысловых влияний, связанных с будущей профессией («отсроченное воздействие»), таким фактором оказался высокий уровень тревожности (критерий χ^2 , $\alpha < 0,05$). Для других компонентов социальной идентичности таких взаимосвязей выявлено не было.

Интересные результаты были получены при сопоставлении социально-психологического климата в семье с иерархией компонентов социальной идентичности младших школьников, которые актуальны в контексте взаимодействия с родителями (см. таблицу 13).

Значимые взаимосвязи (r_s , $\alpha < 0,05$) были получены только в связи с показателем «актуальность возрастной идентичности во взаимодействии с родителями», в то время как остальные компоненты подобные связи не образовали. Оказалось, что этот показатель отрицательно связан с показателями тревожности и переживания неполноценности во внутрисемейном взаимодействии ($r_s = -0,46$, $\alpha < 0,01$ и $r_s = -0,31$, $\alpha < 0,05$ соответственно). Этот факт, вероятнее всего, связан с недифференцированностью в сознании родителей возрастного статуса «ребенок» и семейной роли «ребенок» и вытекающей отсюда неосознанностью собственных влияний на формирование возрастной идентичности ребенка (см. таблицу 2). Однако это не означает, что подобного влияния нет: оно происходит в ежедневной устоявшейся практике взаимодействия родителей с ребенком. Такая интерпретация позволяет объяснить

расхождения между высоким удельным весом возрастной идентичности в описаниях родителями своих детей и ее низкой значимостью в структуре социализирующих влияний семьи.

Таблица 13.

Иерархия компонентов социальной идентичности младших школьников в ситуациях взаимодействия с друзьями, родителями и учителями

Контекст взаимодействия	Компоненты социальной идентичности (удельный вес)						
	Возрастная	Гендерная	Национальная	Городская	Социально-экономическая	Этническая	Учебная
С родителями	0,79	0,71	0,47	0,36	0,42	0,49	0,75
С друзьями	0,68	0,86	0,45	0,41	0,37	0,14	0,28
С учителями	0,30	0,67	0,52	0,54	0,22	0,42	0,97

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать ряд выводов, важных как в теоретическом, так и в практическом плане.

➤ Во-первых, нашло эмпирическое подтверждение предположение о смысловой природе механизмов семейной социализации ребенка, в частности, в плане социализирующих воздействий семьи на становление его социальной идентичности, также обладающей смысловой природой. Этот вывод, в свою очередь, дает основания для подтверждения правомерности психосемантического подхода к подобным исследованиям.

➤ Во-вторых, результаты исследования позволяют еще раз подчеркнуть тот факт, что формирование социальной идентичности начинается не в подростковом возрасте, который является традиционным для ее исследований, а гораздо раньше. На это указывает, прежде всего, многообразие социальных ролей, с которыми идентифицируют себя младшие школьники. Количество таких социальных ролей сопоставимо с набором типичных образцов социально-ролевого поведения, представленных в обыденном сознании россиян, в частности, находящих свое отражение в современном фольклоре (см. раздел 3.1). Важно, что подобная широкая структура социальной идентичности младших школьников не является механическим отражением системы социальной дифференциации общества, о чем свидетельствует наличие выраженных идентификаций с представителями ин-групп и отмежевание от аут-групп, а также значимое включение в структуру социальной идентичности роли, характеризующей ведущую деятельность в этом возрасте – роли ученика.

➤ В-третьих, результаты исследования позволяют говорить о существовании различных механизмов формирования отдельных компонентов социальной идентичности младших школьников в процессе семейной социализации и о различной степени их осознанности родителями. Наибольшие препятствия в процессе семейной социализации возникают на пути формирова-

ния возрастной идентичности детей, что связано с тождеством социальной и семейной ролей «ребенок» в обыденном сознании.

➤ И, в-четвертых, исходя из распространенного предположения о том, что разветвленная структура социальной идентичности обеспечивает гибкость социального поведения и тем самым является более эффективной, чем неразветвленная, можно сформулировать ориентиры для отдельных направлений работы по формированию социальной идентичности ребенка, в частности, посредством социально-психологической работы с семьей. Сопровождение семьи в аспекте помощи ей в формировании социальной идентичности ребенка должно касаться не только работы с механизмами и конкретными каналами трансляции представлений об имеющихся в обществе социальных ролях, но проходить в контексте создания условий для оптимизации социально-психологического климата в семье, который, как показали результаты исследования, является важнейшим фактором усвоения ребенком подобных социализирующих воздействий.

5. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА С ТРУДНОСТЯМИ, ВОЗНИКАЮЩИМИ В СВЯЗИ С СОЦИАЛЬНЫМИ ИДЕНТИФИКАЦИЯМИ ЛИЧНОСТИ

В данной главе представлены методы групповой психологической работы в контексте проблем социальной идентификации личности. Безусловно, предлагаемые здесь методические средства не исчерпывают весь арсенал приемов психологической работы с социальной идентичностью. Мы приводим только те из них, которые были апробированы в нашей работе и доказали свое соответствие заложенному в них целевому потенциалу на практике.

В этой главе не приводятся техники разминочного и психогимнастического плана, здесь представлены только приемы, несущие основную смысловую нагрузку в каждом занятии. Каждое упражнение несет в себе двойственную целевую нагрузку. С одной стороны, они способствуют осознанию и трансформации участниками содержания собственных социальных стереотипов. С другой стороны, они создают условия для формирования позитивной социальной идентичности личности.

Упражнения представлены в таком виде, в каком они чаще всего встречаются в психологической литературе и, следовательно, наиболее известны в профессиональном сообществе. Каждое из них посвящено определенному аспекту социальной идентичности - гендерному, этническому, возрастному и т.д. Однако подобная привязка к отдельным компонентам социальной идентичности не является жесткой. Любая представленная здесь методика допускает модификации для работы с другими социальными идентификациями. По сути, описанные упражнения можно рассматривать как формы, которые ведущий группы может наполнять необходимым ему содержанием.

«Суд над гендерным стереотипом»

ЦЕЛЬ МЕТОДИКИ – осознание и трансформация индивидуальных гендерных стереотипов.

ВРЕМЯ – 90 мин

МАТЕРИАЛЫ – доска, мел, ватман, фломастеры (1 набор), цветная бумага, ножницы.

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО – навыки групповой работы с использованием активных методов обучения, навыки психологического консультирования групп.

ПРОЦЕДУРА

Этап 1. Участникам предлагается назвать как можно больше примеров гендерных стереотипов и предубеждений. Процедура проходит по принципу «мозгового штурма». Предварительно ведущий напоминает участникам основные правила его проведения – каждый участник свободно высказывается, все высказанные идеи принимаются и не критикуются. Называемые участниками стереотипы записываются на доске и формулируются обобщенно, короткими фразами: «все женщины - ...», «мужчины всегда...» и т.д..

Здесь более эффективным будет попросить участников называть те представления и стереотипы, которые вызывают у них наибольший эмоцио-

нальный отклик. Таким образом выполнение упражнения приобретает более личностный характер и в большей степени будет способствовать осознанию и трансформации индивидуальных гендерных стереотипов.

Этап 2. Участникам предлагается выбрать гендерный стереотип, который наиболее для них значим, либо вызывает наибольший протест. С этой целью проводится голосование: каждый участник получает по 4-6 голосов (в зависимости от количества членов группы), далее он свободно распределяет их между вариантами стереотипов, выписанными на доске – может отдать все голоса одному «стереотипу» или разделить по несколько голосов между разными «стереотипами». Стереотип, набравший наибольшее количество голосов, становится «обвиняемым» на «Суде».

Этап 3. Участники вытягивают карточки с названиями ролей (Прокурор, Адвокат, Присяжный). Таким образом, образуются три группы – обвинители (Прокуроры), защитники (Адвокаты) и Присяжные (по численности данная группа должна быть в полтора раза меньше двух предыдущих). Прокуроры и Адвокаты в течение 15-20 минут готовят свое выступление: придумывают речь, создают образы вымышленных или реальных свидетелей, которые бы подтверждали их позицию. Присяжные разрабатывают критерии оценки выступлений, а также с помощью ватмана, фломастеров, цветной бумаги и других средств создают образ «Обвиняемого», творчески изображают выбранный для «Суда» гендерный стереотип.

Этап 4. Участники располагаются в помещении: Адвокаты и Прокуроры полукругом друг напротив друга, в центре полукруга судья (обычно его роль берет на себя преподаватель), замыкают круг присяжные, которые сидят в некотором отдалении. Процедура проведения «Суда» носит достаточно схематичный характер. «Судья»-ведущий произносит небольшую вступительную речь, затем присяжные представляют «Обвиняемого». Первой выступает группа Прокуроров: они зачитывают «обвинительную речь» и представляют «свидетелей». Адвокаты задают вопросы «свидетелям». Второй выступает группа Адвокатов: они представляют свою речь в защиту «обвиняемого» стереотипа и представляют «свидетелей». Прокуроры задают вопросы «свидетелям защиты». Далее Прокуроры и Адвокаты выступают с заключительными речами (данная процедура является не обязательной, достаточным может быть обобщение в конце выступления сторон, после выступления «свидетелей»). Затем Присяжные в течение 5-10 минут обсуждают услышанное и выносят «приговор», («виновен» или «не виновен»), а также сообщают, почему они приняли подобное решение.

Этап 5. В заключении проводится подведение итогов. Участники в свободном порядке делятся на группы по 4-5 человек (либо собираются в общий круг) и обсуждают следующие вопросы: какие мысли и чувства вызвал у меня «Суд»? Чем была полезна подобная работа? С какими трудностями я столкнулся в процессе данной работы?

Суд над гендерным стереотипом можно назвать одной из форм организации дискуссии. Данная форма работы позволяет максимально противопо-

ставить противоположные точки зрения, выявить и озвучить все плюсы и минусы обсуждаемого феномена.

Подобная работа, особенно в силу того, что по заданию ведущего участники выбирают стереотипы, вызывающие у них наибольший протест, может задеть их глубинные эмоции и чувства. Для того, чтобы частично снять возможное эмоциональное напряжение, по окончании «Суда» участники разбиваются на группы, где они могут поделиться возникшими у них мыслями и чувствами. Также эффективным является проведение какой-либо подвижной и веселой игры, где участники смогли бы много посмеяться по окончании «Суда».

Актуализация опыта переживания дискриминации по признаку пола

ЦЕЛЬ – осознание имеющегося опыта дискриминации по признаку пола, разрядка связанных с дискриминацией чувств, получение эмоциональной поддержки.

ВРЕМЯ – 30 - 40 мин.

МАТЕРИАЛЫ – часы или таймер для контроля за временем.

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО - знание основных понятий переоценочного консультирования Х.Джекинса, навыки и опыт индивидуального психологического консультирования в рамках гуманистической парадигмы.

ПРОЦЕДУРА

Этап 1. Ведущий обсуждает с участниками понятия «подавление», «дискриминация», «дискриминация по признаку пола, просит привести примеры такой дискриминации, спрашивает, какие чувства испытывает человек в подобной ситуации.

Этап 2. Участниками предлагается в парах выполнить упражнение, для чего они распределяют роли «клиента» и «консультанта». «Клиент» вспоминает и рассказывает своему «консультанту» о ситуациях, когда ему или ей приходилось сталкиваться с дискриминацией по признаку пола (это может быть как личный опыт, так и истории, связанные со знакомыми, друзьями, родственниками). По истечении 7 минут студенты меняются ролями.

Этап 3. Студенты собираются вместе и рассказывают по одному случаю дискриминации по признаку пола на большом круге.

Этап 4. Общее обсуждение. Студенты делятся своими впечатлениями от выполнения упражнения, говорят о том, что дала им подобная работа.

Перед выполнением упражнения в парах важно напомнить участникам основные правила, выполнение которых необходимо для поддержания атмосферы психологической безопасности: «консультант» только слушает своего клиента, не дает советов, не перебивает, принимает его или ее безоценочно, относится к клиенту с полным вниманием. Выполнение упражнения иногда вызывает определенное сопротивление участников, которое может проявляться в том, что никакие случаи «не вспоминаются», поэтому здесь важно соблюдать временной регламент, не меняться ролями раньше времени, в отведенные семь минут человек может просто помолчать. Однако обычно во

время выполнения задания на большом круге какую-то ситуацию, связанную с подавлением по признаку пола, могут вспомнить уже все участники. При обсуждении упражнения важно отметить, что подавление зачастую настолько прочно входит в нашу жизнь, что мы даже не замечаем, что подвергаемся дискриминации. Поэтому само осознание того, что данная ситуация ненормальна – это большой шаг вперед. Чтобы участники не слишком глубоко погружались в тяжелые чувства во время выполнения упражнения, о случаях дискриминации им предлагается рассказывать «легким тоном».

«Моя победа над дискриминацией»

ЦЕЛЬ – работа с чувствами беспомощности, возникающими в связи с дискриминацией по признаку пола.

ВРЕМЯ – 30 – 40 мин.

МАТЕРИАЛЫ – часы или таймер для контроля за временем.

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО

Знание основных понятий переоценочного консультирования Х.Джекинса, навыки и опыт индивидуального психологического консультирования в рамках гуманистической парадигмы.

ПРОЦЕДУРА

Этап 1. Ведущий обсуждает с участниками вопрос о том, как мы реагируем на ситуации дискриминации по признаку пола, всегда ли можем им противостоять, что нам мешает отстаивать свои права. Ведущий напоминает, что на самом деле позитивный опыт противостояния дискриминации есть у каждого человека, и об этом опыте необходимо помнить, это наши важнейшие внутренние ресурсы.

Этап 2. Участниками предлагается в парах выполнить упражнение, для чего они распределяют роли «клиента» и «консультанта». «Клиент» вспоминает и рассказывает своему «консультанту» о ситуациях, когда ему или ей удалось успешно противостоять подавлению по признаку пола, случаи своей победы над дискриминацией. Об этих случаях нужно рассказывать подробно, с гордостью, радостным тоном, каждая история заканчивается фразой «Это была моя победа, я горжусь этим». «Консультант» помогает «клиенту» поддерживать победный тон. По истечении 7 минут участники меняются ролями.

Этап 3. Участники собираются вместе и рассказывают об одной из своих побед на большом круге. Группа радостно встречает каждую историю, поддерживая рассказчика аплодисментами.

Этап 4. Общее обсуждение. Участники делятся своими впечатлениями от выполнения упражнения, говорят о том, что дала им подобная работа.

Данное упражнение лучше выполнять после «Актуализации опыта переживания дискриминации по признаку пола».

«Я как подавитель»

ЦЕЛЬ – осознание механизмов передачи и закрепления системы гендерных стереотипов, собственной роли в данном процессе.

ВРЕМЯ – 40 – 50 мин.

МАТЕРИАЛЫ – часы или таймер для контроля за временем.

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО – знание основных понятий переоценочного консультирования Х.Джекинса, навыки и опыт индивидуального психологического консультирования в рамках гуманистической парадигмы.

ПРОЦЕДУРА

Этап 1. Ведущий обсуждает с участниками вопрос о том, каким образом существующая в обществе система подавления и дискриминации по признаку пола сохраняется и передается из поколения в поколение. Ведущий напоминает, что внешний подавитель превращается во внутреннего, мы начинаем поступать с другими людьми и самим собой так же, как поступали с нами. Такое подавление не обязательно проявляется в действиях, это может быть, например, чувство осуждения другого человека по причине того, что его поведение не вписывается в диктуемые гендерными стереотипами нормы. .

Этап 2. Участника предлагается разбиться на группы по три человека. Каждому дается 5 минут на то, чтобы вспомнить случаи, когда он или она подавляли другого человека или самого себя по признаку пола.

Этап 3. Общее обсуждение. Участники делятся своими впечатлениями от выполнения упражнения, говорят о том, что дала им подобная работа.

Данное упражнение можно выполнять только после проведения работы над чувствами, связанными с переживанием опыта собственного подавления по признаку пола (упражнения «Актуализация опыта переживания дискриминации по признаку пола» и «Моя победа над дискриминацией»); невыполнение данного условия приведет к формированию у участников деструктивного чувства вины.

Десять «за» и десять «против» гендерных стереотипов

ЦЕЛЬ – осознание стереотипов

ВРЕМЯ – 20 мин.

МАТЕРИАЛЫ – листы бумаги и ручки по количеству малых групп

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО – владение информацией о гендерных стереотипах, навыки использования активных методов обучения.

ПРОЦЕДУРА

Этап 1. Ведущий повторяет с участниками понятие «гендерный стереотип», рассматривает примеры гендерных стереотипов.

Этап 2. Участникам дается задание в течение 5-7 минут составить два списка. В первом должно содержаться десять пунктов в поддержку гендерных стереотипов (10 «за»), во втором списке – десять пунктов, указывающих на негативные последствия действия гендерных стереотипов на человека, группы мужчин и женщин, общество в целом (10 «против»). Участники разбиваются на группы по 4-6 человек и выполняют задание.

Этап 3. Каждая группа представляет результаты своей работы. Ведущий анализирует и обобщает высказывания участников.

КОММЕНТАРИИ

Упражнение хорошо использовать в начале занятий по теме гендерные стереотипы.

Идеальный мужчина и идеальная женщина

ЦЕЛЬ – осознание существующих в обществе гендерных стереотипов, а также стереотипности и противоречивости имеющихся представлений об эталонной женственности и мужественности.

ВРЕМЯ – 50-60 мин.

МАТЕРИАЛЫ – карточки с заданиями для разогревающего этапа, листы ватмана, наборы цветных карандашей, фломастеров или маркеров (по числу малых групп).

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО – владение информацией о гендерных стереотипах, навыки использования активных методов обучения.

ПРОЦЕДУРА

Этап 1. Жеребьевка. Участники разбиваются на малые группы по 4 – 6 человек. Для этого проводится разогревающее упражнение. Участникам раздаются карточки с названием какой-либо стереотипной гендерной роли, например «мачо», «феминистка», «синий чулок», «Барби». Число вариантов заданий должно соответствовать количеству малых групп. Получив карточки, участники должны невербально изображать доставшуюся роль, перемещаясь по аудитории и стремясь найти других исполнителей такой же роли.

Этап 2. Создание портретов идеальной женщины и идеального мужчины. В получившихся малых группах участники создают портреты идеального мужчины и идеальной женщины. Предлагается сначала обсудить эти понятия, а затем нарисовать получившиеся образы на листах ватмана. На выполнение задания дается 25 – 30 минут.

Этап 3. Презентация работ малых групп. Каждая малая группа показывает свой рисунок и рассказывает о нем всем остальным участникам.

Этап 4. Общее обсуждение. Участники делятся своими впечатлениями от выполнения упражнения, важно обсудить нереальность и противоречивость имеющихся у нас образов идеального мужчины и идеальной женщины, а также то, как имеющиеся стереотипные представления оказывают негативное влияние на межличностные отношения и жизнь в целом.

КОММЕНТАРИИ

При представлении участниками подготовленных портретов ведущий может специально записывать имеющиеся в образах противоречия, чтобы потом обратить на них внимание группы в ходе общего обсуждения.

Я проснулся женщиной или Я проснулась мужчиной

ЦЕЛЬ – осознание существующих гендерных стереотипов, а также их роли в построении межличностных отношений.

ВРЕМЯ – 40 - 50 мин.

МАТЕРИАЛЫ – листы бумаги и ручки по числу участников.

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО - владение информацией о гендерных стереотипах, навыки использования активных методов обучения.

ПРОЦЕДУРА

Этап 1. Написание сочинений. Участникам предлагается представить себе, что они оказались в фантастической ситуации: проснувшись утром, обнаружили, что превратились в человека другого пола. Нужно написать небольшое сочинение о том, как пройдет в таком случае их день. На выполнение задания отводится 15 – 20 минут.

Этап 2. Зачитывание сочинений. После выполнения задания участниками ведущий собирает листочки и зачитывает сочинения вслух без каких-либо комментариев. Примеры подобных сочинений представлены в Приложении.

Этап 3. Общее обсуждение. Участники делятся своими впечатлениями от услышанного, обсуждают, какие стереотипы восприятия мужчин и женщин нашли свое отражение в написанных сочинениях.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Выдержки из сочинений «Я проснулся женщиной» и «Я проснулась мужчиной»:

«Если бы я однажды проснулся женщиной, то весь день был бы потерян. Не подошла бы одежда, не покидало чувство дискомфорта, обиды, смущения. Весь день я бы надеялся на скорейшее перевоплощение в противоположный пол».

«Интересно, что я надену сегодня в универ? Штаны и толстовка не подойдут. Эти длинные волосы мешают мне умываться. Где маникюрные ножницы? Я не могу нормально одеться.

Наверное, моими первыми ощущениями были бы страх, растерянность, дискомфорт и потерянности от всевозможных вопросов, которые вставали бы передо мной в течение всего сумасшедшего дня».

«Если бы я с утра проснулась мужчиной, то сначала бы подумала, что это сон, а потом бы дико рассмеялась и пошла делиться с братом, мы бы с ним вместе посмеялись. В институт я бы не пошла, а взяла у брата одежду и, если бы оказалась симпатичным парнем, пошла цеплять девочек. ... А если бы были деньги, то можно было бы сходить в какое-нибудь увеселительное заведение и там почувствовать и попробовать, как ведут себя настоящие самцы».

«Проснувшись мужчиной, берешь на себя слишком много обязанностей. Но вместе с этим приходит чувство свободы, независимости и силы. Ты понимаешь, что многое в этой жизни зависит от тебя... Женщине не должно быть знакомо такое».

КОММЕНТАРИИ

При зачитывании сочинений важно сохранять их анонимность. Для этого можно, например, тщательно перемешать собранные листочки. При обсуждении услышанного важно обратить внимание на то, что многие сочинения оказываются удивительно похожими. Это помогает осознать, насколько имеющие у нас стереотипы обедняют и сужают восприятие другого человека.

Ярлыки старения (Пайнс Э., Маслач К., 2000)

ЦЕЛЬ – осознание существующих социальных стереотипов, а также их роли в построении межличностных отношений.

ВРЕМЯ – 30 - 40 мин.

МАТЕРИАЛЫ – тестовые бланки и ручки по числу участников.

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО - владение информацией о социальных стереотипах, навыки использования активных методов обучения.

ПРОЦЕДУРА

Участникам группы предлагается построить «психологические профили» одной из двух пациенток. Они почти идентичны, за одним исключением: первой пациентке шестьдесят девять лет, а второй — двадцать девять. По завершении индивидуальной работы ответы людей, работавших над одним и тем же «профилем», обобщаются.

Инструкция 1 для участников группы: «Сейчас вы прочитаете отрывок из клинического интервью. После этого вас попросят ответить на ряд вопросов об описанном человеке. В опроснике приводятся варианты ответов, из которых вам нужно выбрать подходящие. На эти вопросы не существует «правильных» или «неправильных» ответов. Нас интересует только то, каким вам показался этот человек — ваши догадки и впечатления».

Инструкция 2 для участников группы (после предъявления профиля): «Теперь оцените, пожалуйста, этого человека по каждому из указанных качеств, обведя кружком число, которое лучше всего соответствует вашему суждению».

Тестовый бланк:

1. Независимая	1	2	3	4	5	6	Зависимая
2. Неискренняя	1	2	3	4	5	6	Искренняя
3. Совсем не ориентированная на успех	1	2	3	4	5	6	Ориентированная на успех
4. Неумная	1	2	3	4	5	6	Умная
5. Активная	1	2	3	4	5	6	Пассивная
6. Компетентная	1	2	3	4	5	6	Некомпетентная
7. Упрямая	1	2	3	4	5	6	Восприимчивая
8. Нечестолюбивая	1	2	3	4	5	6	Честолюбивая
9. Совсем не добрая	1	2	3	4	5	6	Добрая
10. Хорошо приспособленная	1	2	3	4	5	6	Плохо приспособленная
11. Неагрессивная	1	2	3	4	5	6	Агрессивная
12. Нечувствительная	1	2	3	4	5	6	Чувствительная
13. Доминантная	1	2	3	4	5	6	Уступчивая
14. Сердечная	1	2	3	4	5	6	Холодная
15. Очень нерешительная	1	2	3	4	5	6	Решительная
16. Хорошо сопротив-	1	2	3	4	5	6	Полностью поддается

ляется внешнему давлению

внешнему давлению

17. Забывчивая

1 2 3 4 5 6

Отличная память

Профиль пациентки 1:

Пациентке шестьдесят девять лет, она замужем, у нее был один ребенок. Она специалист в области истории науки и имеет ученую степень доктора философии. У пациентки отсутствуют жалобы на состояние здоровья. Результаты всестороннего медицинского обследования показывают, что она нормальная, здоровая женщина. Тем не менее пациентка жалуется на то, что недавно у нее резко изменилось состояние и настроение и она чувствует напряжение и тревогу, которые заметны также со стороны. С ее слов, у нее часто случаются приступы ярости, в вербальной и физической форме, которые случаются только дома. В то же время на работе она довольно хорошо владеет ситуацией, и только иногда ей бывает трудно сосредоточиться. В семейной жизни она не может справиться со своими семейными обязанностями и считает, что она не способна быть любящей подругой своему мужу. Ее беспокоит полное отсутствие нежности и душевного тепла с ее стороны во взаимодействиях с членами семьи, а в особенности – периоды полного отчуждения от собственного мужа. Она также жалуется на большие проблемы со сном, поскольку часто просыпается ночью из-за ярких и мучительных кошмарных сновидений. Пациентка также время от времени испытывает чувство безнадежности и отчаяния, и тогда она постоянно сомневается в ценности собственной жизни и своей адекватности как женщины.

Профиль пациентки 2:

Пациентке двадцать девять лет, она замужем, у нее один ребенок. Она специалист в области истории науки и имеет ученую степень доктора философии. У пациентки отсутствуют жалобы на состояние здоровья. Результаты всестороннего медицинского обследования показывают, что она нормальная, здоровая женщина. Тем не менее пациентка жалуется на то, что недавно у нее резко изменилось настроение и состояние и она чувствует напряжение и тревогу, которые заметны также и со стороны. С ее слов, у нее часто бывают приступы ярости, в вербальной и физической форме, которые случаются только дома. В то же время на работе она довольно хорошо владеет ситуацией, и только иногда ей бывает трудно сосредоточиться. В семейной жизни она не может справиться со своими семейными обязанностями и считает, что она не способна быть любящей подругой своему мужу. Ее беспокоит полное отсутствие нежности и душевного тепла с ее стороны во взаимодействиях с членами семьи, а в особенности — периоды полного отчуждения от собственного мужа. Она также жалуется на большие проблемы со сном, поскольку часто просыпается ночью из-за ярких и мучительных кошмарных сновидений. Пациентка также периодически испытывает чувство безнадежности и отчаяния, и тогда она постоянно сомневается в ценности собственной жизни и своей адекватности как женщины.

В обсуждении затрагиваются следующие вопросы:

- Какие закономерности проявляются в полученных ответах?
- Что эти результаты говорят о «ярлыках старения»?
- Как «ярлыки старения» влияют на взаимодействие между людьми?

КОММЕНТАРИЙ

Аналогичный тестовый бланк можно использовать при анализе других разновидностей социальных стереотипов. В частности, обращение к этническим стереотипам может заключаться в такой работе с бланком, при которой участники группы отвечают на следующие вопросы:

- Что в первую очередь приходит вам на ум, когда вы думаете об этой этнической группе?
- Какие качества наиболее характерны для представителей этой группы?
- Какие качества для них совершенно не характерны? (Чего вы от них не ожидаете, что бы вас в них удивило?)

Качества, из которых состоит дифференциал, в данном случае могут модифицироваться в соответствии с содержанием распространенных в обществе этнических стереотипов.

Упражнение «Российский экспресс» (Аксельрод А., Любарская Е., 2004)

ЦЕЛЬ – осознание существующих социальных стереотипов, а также их роли в построении межличностных отношений.

ВРЕМЯ – 30 - 40 мин.

МАТЕРИАЛЫ – карточки со списком персонажей и ручки по числу участников.

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО - владение информацией о социальных стереотипах, навыки использования активных методов обучения.

ПРОЦЕДУРА

Ведущий предлагает группе «отправиться в длительное путешествие на поезде». Участников просят заполнить анкету, которая сделает их путешествие максимально комфортным. Участники группы работают индивидуально. Каждый из них получает карточку со списком персонажей (он приведен ниже). Вопрос звучит так: «С кем из этих людей вы меньше всего хотели бы оказаться в купе поезда?». Участники должны определить сперва три самых непредпочтительных выбора, а потом – три предпочтительных.

Список:

- *Цыганка*
- *Скинхед*
- *Молодой человек, больной СПИДОМ*
- *Неаккуратно одетая женщина с маленьким ребенком*
- *Кавказец-мусульманин*
- *Человек из деревни с большим мешком*
- *Африканский студент*
- *Подросток, похожий на наркомана*
- *Бывший заключенный*

- *Таджик в национальной одежде*
- *Милиционер*
- *Инвалид со складной коляской*
- *Китаец, который ест странно пахнущую еду*
- *Человек, говорящий на непонятном языке*

Затем группа делится на подгруппы по три человека. Каждая группа – купе. Цель - проранжировать список с тем, чтобы выбрать четвертого попутчика. После этого группа собирается вместе.

Обсуждаются вопросы:

- Трудно ли было придти к единому мнению?
- Почему разных групп ответы оказались разными?
- Почему иногда ответы всех групп совпадали?
- Каковы причины нежелания ехать с человеком в одном купе? Когда нами руководит страх, когда - брезгливость, когда неприязнь? Насколько они в каждом случае обоснованы?
- Можем ли что-то сделать с нашими чувствами в таких случаях? А нужно ли с ними что-то делать?
- Может ли кто-нибудь не захотеть ехать в одном купе с вами?
- Виноваты ли те, с кем мы не хотим ехать? Что они почувствуют, если увидят наше недовольство? Как лучше все поступать в таких случаях?

Ролевая игра «Общественная палата»

ЦЕЛЬ – осознание существующих социальных стереотипов, а также их роли в построении межличностных отношений.

ВРЕМЯ – 30 - 40 мин.

МАТЕРИАЛЫ – не требуются.

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО - владение информацией о социальных стереотипах, навыки использования активных методов обучения.

ПРОЦЕДУРА

Обычный ход работы в общественной палате. Неожиданно приходит объявление о том, что выделяются дополнительные 100 млн. руб. и они будут направлены только в один отдел. Принимается решение о том, что тот министр, который наилучшим образом обоснует необходимость получения этих средств, получит их в свой отдел.

В игре принимают участие:

- Министерство социальной защиты.
- Министр по вопросам детства.
- Министр по делам молодежи.
- Министр по вопросам пожилых людей.
- Министр труда.
- Министр культуры.
- Министр по юридическим делам и вопросам правопорядка.

Игроки, которые исполняют роли правительственных министров, выбираются до начала собственно ролевого этапа игры. Министры приглашаются в центр помещения, располагаются маленьким кругом.

Ход ролевого этапа игры:

Министры по очереди отвечают на основной вопрос заседания: Почему именно их министерство должно получить эти деньги?

Пока один отвечает, другие министры в произвольном порядке задают вопросы. Ролевой этап длится 20 минут. Затем игра заканчивается независимо от того, появился ли реальный претендент на деньги. Обсуждается самочувствие участников во время игры.

Вопросы для обсуждения в группе:

- Что вы думаете относительно доводов каждого игрока?
- Насколько реалистичны предложенные проекты?
- Что может от этого выиграть общество?
- Будут ли выгоды от проекта долгосрочными или кратковременными?
- Как принятое решение связано с существующими в обществе возрастными стереотипами?

Упражнение «Шаг вперед – шаг назад»

ЦЕЛЬ – осознание существующих социальных стереотипов, а также их роли в построении межличностных отношений.

ВРЕМЯ – 20 мин.

МАТЕРИАЛЫ – карточки со списком персонажей.

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО - владение информацией о социальных стереотипах, навыки использования активных методов обучения.

ПРОЦЕДУРА

Участникам группы раздаются списки персонажей. Каждый игрок должен выбрать роль, которую он исполнит, но при этом держать свой персонаж в тайне. На задаваемые ведущим вопросы можно отвечать «да», «нет», «не знаю» от имени своего персонажа. Если игроки, согласно своим персонажам, отвечают «да» - они делают шаг вперед, если «нет»-делают шаг назад, «не знаю»-остаются на месте.

Список персонажей:

- Подросток-18 лет.
- Вышедший на пенсию рабочий- 67 лет.(Выкуривал 50 сигарет в день в течении 50-ти лет.)
- 70-ти летняя вдова живет на 600 рублей в месяц.
- Очень состоятельный человек 65-ти лет.
- Ушедший на пенсию банкир в очень хорошей форме.
- Находящийся в хорошей физической форме, удачливый молодой человек 35-ти лет.
- Ребенок состоятельных родителей 6-ти лет.
- 80-ти летний человек, умственно здоровый, но глухой.
- Мужчина, страдающий от депрессии 45-ти лет.

- 65-ти летний человек в инвалидном кресле.
- Ребенок бедных родителей 6-ти лет.
- Слепой 50-ти летний человек.
- 65-ти летний человек, сильно страдающий от артрита суставов на руке.

Вопросы:

- Можете ли вы прогуливаться ночью и чувствовать себя в безопасности?
- Можете ли вы получить медицинскую помощь именно тогда, когда она вам нужна?
- Можете ли вы принимать решения самостоятельно?
- Хотелось бы вам иметь возможность принимать больше решений, касающихся лично вас?
- Можете ли вы открыть банку консервов?
- Можете ли вы без труда подниматься по ступенькам?
- Вас подвергали дискриминации?
- Можете ли вы без труда самостоятельно ходить за покупками?
- Получаете ли вы удовольствие от радио, телевидения?
- Есть ли у вас достаточно денег для удовлетворения основных потребностей?
- Есть ли у вас деньги на хобби, развлечения, дополнительные расходы?

После того, как вопросы закончились, на доске обозначается каждый персонаж, его начальное и итоговое положения (в виде схемы). Анализируются полученные результаты.

Обсуждаются чувства игроков, которые чаще всего делали шаги вперед, и чувства тех, кто все время отодвигался назад.

Упражнение «Паутина предрассудков» (Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д., 2001)

ЦЕЛЬ – осознание влияния социальных стереотипов на поведение людей.

ВРЕМЯ – 15 - 20 мин.

МАТЕРИАЛЫ – клубок ниток или моток веревок.

ПОДГОТОВКА ВЕДУЩЕГО - владение информацией о социальных стереотипах, навыки использования активных методов обучения.

ПРОЦЕДУРА

Ведущий предлагает участникам группы подумать, что испытывает человек, к которому в современном обществе относятся с нетерпимостью. Выбирается несколько добровольцев, они садятся на стулья посреди круга. Они изображают «народ», который в сознании группы представлены самым большим количеством негативных стереотипов, анекдотов. Группа называет бытующие негативные представления, рассказывает анекдоты, и после каждого высказывания ведущий обматывает «народ» веревкой, опутывая «паутиной предрассудков», до тех пор, пока тот не сможет пошевелиться.

Ведущий спрашивает «народ» о том, как он себя чувствует. «Народ» рассказывает о своем состоянии. Ведущий интересуется мнением группы,

предлагает распутать «народ». Для этого необходимо вспомнить что-то хорошее об этом народе, посочувствовать ему. Участники по очереди высказываются, а кондуктор в это время распутывает «паутину». Упражнение заканчивается, когда «народ» полностью освобожден от «паутины предрассудков».

Обсуждение предполагает анализ следующего вопроса: что было бы, если бы на месте «народа» оказались представители других дискриминируемых групп (люди с ограниченными возможностями, больные, материально необеспеченные, без определенного места жительства и т.д.).

Заключение

Проблемы социальной идентификации личности в последние десятилетия приобрели в психологии особую популярность в связи с бурными социальными изменениями, происходящими во всем мире. Появились разнообразные теоретические подходы к исследованию этого феномена, накоплен богатый эмпирический материал. Однако ряд вопросов, связанных с социальной идентичностью личности, остаются на сегодняшний день дискуссионными.

К числу таких вопросов относится, прежде всего, субъективная значимость проблемы социальной идентификации для конкретного человека - носителя идентичности. Как показало наше исследование, процессы социальной идентификации личности широко отражены в обыденном сознании. Несмотря на то, что для обыденного сознания основанием для социальной категоризации иногда выступают телесные признаки человека, принадлежность к той или иной социальной группе осознается преимущественно посредством принятия / приписывания психологических и социально-психологических особенностей. Кроме того, в обыденном сознании находят четкое отражение основные компоненты социальной идентичности личности: гендерный, этнический, возрастной и профессиональный.

Другой дискуссионный вопрос связан со структурой социальной идентичности и соотношением ее отдельных компонентов. Полученные нами эмпирические данные показали, что социальная идентичность личности представляет собой сложное многокомпонентное образование, различные компоненты которого могут актуализироваться под воздействием изменений социальной ситуации, отражая эти изменения. Актуализировавшиеся компоненты социальной идентичности играют наиболее существенную роль в регуляции социального поведения личности, в то время как остальные компоненты отходят на второй план, и участие связанных с ними норм и ценностей в регуляции социального поведения сокращается.

Еще одно «белое пятно» в исследованиях социальной идентичности связано с возрастной динамикой ее формирования, особенно в период дошкольного и младшего школьного детства. В нашем исследовании было показано, что социальная идентичность начинает формироваться в дошкольном детстве, и к младшему школьному возрасту дети четко идентифицируют «свои» и «чужие» социальные группы, демонстрируя более низкие оценки последних. При этом спектр социальных групп, представителями которых считают себя младшие школьники, отражает актуальные для современного российского общества компоненты социальной идентичности в полном объеме.

В исследовании также было выявлено, что социальная идентичность личности претерпевает изменения на протяжении ее жизненного пути. Эти изменения заключаются не в трансформации набора тех социальных ролей, с которыми идентифицирует себя человек, а со степенью их иерархизированности в структуре социальной идентичности. Оказалось, что в младшем

школьном и особенно подростковом возрастах структура социальной идентичности более динамична, чем в период зрелости, когда у человека уже сформировался устойчивых приоритет одних ее компонентов над другими. При этом отдельные компоненты социальной идентичности (в частности, возрастная) проходят через закономерные кризисы. Можно предположить, что аналогичные кризисы могут претерпевать все компоненты социальной идентичности, в том случае, если человек попадает в ситуацию изменения соответствующих им социальных условий.

Полученные нами результаты задают направления последующих исследований социальной идентичности, среди которых наиболее интересными и перспективными нам представляются более детальное изучение тех компонентов социальной идентичности, которые не пользуются широкой популярностью у исследователей (возрастного, профессионального, городского и т.д.), экспериментальное изучение иерархии компонентов социальной идентичности личности в различных социальных ситуациях, создание интегративной модели социальной идентичности личности.

Литература:

1. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. – М., 2000.
2. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов. // Вопросы психологии. 1986. №1. - С.95-101.
3. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. – М., 1983.
4. Акопов Г.В. Российское сознание: историко-психологические очерки. – Самара, 2002.
5. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 2008.
6. Антонова Н. В. Проблема личностной идентификации в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. - 1996. - № 1. - С. 131-143.
7. Асмолов А.Г. Деятельности и установка. – М., 1979.
8. Баклушинский А.С., Белинская Е.П. Развитие представлений о понятии социальная идентичность // Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования. Том IV. Выпуск VI. - М., 1998. - С. 64-85.
9. Баранова Т.С. Теоретически модели социальной идентификации личности. // Социальная идентификация личности. – М., 1993. – С. 35 – 46.
10. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. – М., 2001.
11. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – СПб., 1992.
12. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М., 1988.
13. Битянова М.Р. Социальная психология. – М., 2001.
14. Бондырева С.А., Колесов Д.В. Традиции: стабильность и преемственность жизни общества. – М., 2004.
15. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М., 1988.
16. Брушлинский А.В. проблемы психологии субъекта. – М., 1994.
17. Валентик Ю.В. Реабилитация в наркологии. – М., 2001.
18. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. – М., 1976.
19. Волкова О.А. Профессиональная идентичность в условиях маргинализации российского общества.- М., 2005.
20. Глазычев В.Л. Городская среда, экологическое сознание и любовь к геометрии // Мир психологии и психология в мире. – 1995. - №4. – с. 48-51.
21. Голд Дж. Психология и география: основы поведенческой географии. – М., 1990.
22. Голенков С.И. Культура, смысл, сознание. – Самара, 1996.
23. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. – М., 1982.
24. Гулевич О.А., Онучин А.Н. Основные направления изучения эффектов межгруппового восприятия. // Вопросы психологии. – 2002. - №3. - стр.132-145.
25. Даудрих Н.А. Социальная идентичность: методический аспект // Социологические исследования. – 2000. - № 13. – с. 77-95.

26. Джеймс М., Джонгвард Д. Рожденные выигрывать. Трансакционный анализ с гештальт-упражнениями. – М., 1993.
27. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. – М., 1997.
28. Дридзе Т.М. Человек и городская среда // Общественные науки и современность. – 1994. - №1. – с. 131-138.
29. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М., 1996.
30. Дружинин В.В. Психология семьи. – М., 1996.
31. Ермолаева Е. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (Статья первая) // Психологический журнал. - 2001. - Т. 22. - № 4. – с. 51-59.
32. Ермолаева Е. П. Психология профессионального маргинала в социально значимых видах труда (Статья вторая) // Психологический журнал. - 2001. - Том 22. - №5. – с. 69-78.
33. Завалишина Д.Н. Профессиональная деятельность как смысл жизни // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. - М., 1997. - с. 72-81.
34. Заковоротная М.В. Идентичность человека: социально-философские аспекты. – Ростов-на-Дону, 1999.
35. Иванова Н.Л., Конева Е.В. Социальная идентичность и профессиональный опыт личности. - Ярославль, 2003.
36. Иванова Т.В. Городская ментальность как предмет психологического исследования. – Самара, 2003.
37. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара, 2000. – С. 641 – 655.
38. Иссерс О.С. , Кузьмина Н.А. Анекдот и когнитивные операции рефреймирования: лингводидактические аспекты // Miscellania. - Омск, 2000.
39. Клецина И.С. Гендерная социализация: Учебное пособие. – СПб., 1998.
40. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. – СПб., 2004.
41. Кон И. С. Введение в сексологию. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 1999.
42. Кон И.С. Ребенок и общество. – М., 1988.
43. Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поиска самоуважения к поискам смысла. // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. - № 3. – С. 48 – 58.
44. Лебедева Н.Н., Минеева О.А. Метафора как ключ к пониманию имплицитной теории семьи // Психологические проблемы современной российской семьи. Мат-лы конференции. Часть 2. – М., 2003.
45. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1999.
46. Левкович В.П., Панкова Н.Г. Проблемы формирования этнического самосознания у детей в работах зарубежных ученых. // Советская этнография. – 1973. – № 5. – С. 123 – 131.
47. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М., 1975.

48. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. – М., 1999.
49. Линч К. Современная форма в градостроительстве. – М., 1986.
50. Лук Н.А. Юмор. Остроумие. Творчество. – М., 1977.
51. Луковицкая Е.Г. Сексуальность: стереотипы и реальность. // Практикум по гендерной психологии. / Под ред И.С.Клециной. – СПб.: Питер, 2003. – С. 404 – 414.
52. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – №2. – с. 43-53.
53. Мид М. Культура и мир детства. – М., 1988.
54. Мир различий: сборник упражнений для учащихся в общеобразовательных школах / Александр Аксельрод, Елена Любарская; Общественный фонд “Международный стандарт” в республике Башкортостан. — Уфа, 2004.
55. Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Как возможно построение модели бессознательного? // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. В 4 томах. Т.4. – Тб., 1985. – 464 с. – С. 185-198.
56. Ожигова Л. Н. Психология гендерной идентичности личности. – Краснодар, 2006.
57. Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. – 2000. – №1. – С.135-141.
58. Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе. // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 1. – С. 75 – 88.
59. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб., 2000.
60. Парачев А.М. Символический анализатор мира (в рукописи, 1997).
61. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.
62. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: На материале политического менталитета. – М.: Изд-во МГУ, 1997.
63. Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросс-культурный аспект. // Вопросы психологии. – 1993. – № 3. – С. 101 – 109.
64. Полторац С.Н. Динамика пространственных представлений петербуржцев // Я и Мы: история, психология, перспективы. – СПб., 2002. – с. 169-173.
65. Поршнев Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического сознания. – М., 1973.
66. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М., 1967.
67. Проселова В.М. Диагностика профессионального самосознания психологов-практиков. Автореферат дис. ... к.пс.н. Казань, 2001.
68. Проценко Л.М. Социально-психологические инициации подростков во временных объединениях как условие развития личности. Автореферат дис. ... к.пс.н. – М., 2001.

- 69.Рабжаева М.В., Семенов В.Е. Какая идентичность у жителей Санкт-Петербурга? // Социология культуры. – СПб., 2003. – с. 82-90.
- 70.Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. – М., 2001.
- 71.Рикер П. Повествовательная идентичность // www.philosophy.ru/library, 2000.
- 72.Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. - М., 1990.
- 73.Рыжова С.В. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического исследования). // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М., 1995.
- 74.Рябова Ю.В. Возрастные стереотипы в восприятии людей // Психология XXI века. Материалы конференции. – СПб., 2001. – с 341-342.
- 75.Самошкина И.С. Район проживания в чувствах и переживаниях // Communitas / Сообщество. - 2006. - № 1. - С. 35-52.
- 76.Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства. – М., 2004.
- 77.Сикевич З.В. Русские: образ народа. – СПб., 1996.
- 78.Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъективности. – М., 1995.
- 79.Смелзер Н. Социология. – М., 1994.
- 80.Снежкова И.А. Проблемы изучения этнического самосознания у детей и юношества // Советская этнография. – 1982. - № 1.
- 81.Собчик Л.Н. Метод цветковых выборов. Модифицированный тест Люшера. Методическое руководство. – М., 1990.
- 82.Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. - М., 1989.
- 83.Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998.
- 84.Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д. Жить в мире с собой и другими. Тренинг толерантности для подростков. – М., 2001
- 85.Социология города. – М., 2002.
- 86.Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М., 1999.
- 87.Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. – М., 1997.
- 88.Титова Т.А. Этническое самосознание в национально-смешанных семьях. – Казань, 1996.
- 89.Уолен С., Ди Гусепп Р., Уэсслер Р. Рационально-эмотивная психотерапия. Когнитивно-бихевиоральный подход. – М., 1997.
- 90.Франкл Дж. Незнечданное «Я». – М., 1998.
- 91.Фрезер Дж. Золотая ветвь. – М., 1983.
- 92.Химик В.В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры. - СПб, 2002. - С.17-31.
- 93.Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. – СПб., 2000.
- 94.Чеботарева Е.Э. Борьба с морщинами как социальная теодицея // Философия старости: геронтология. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 24. – СПб., 2002. – С.59-61.

95. Чхартишвили Ш.Н. К вопросу об онтологической природе бессознательного // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. В 4 томах. Т.1. – Тб., 1978. – 788 с. – С. 99-111.
96. Шевченко Ю.С., Добридень В.П. Онтогенетически-ориентированная психотерапия. – М., 1998.
97. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. – М., 1999.
98. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические обоснования и психодиагностические возможности. – М., 1983.
99. Шмелев А.Г. Традиционная психометрика и экспериментальная психосемантика: объектная и субъектная парадигмы анализа данных. // Вопросы психологии. – 1982. - № 5. – С. 36 – 46.
100. Щербаков Н.Н. Психология детского анекдота// Бюллетень клуба конфликтологов. – 1999. - №7.
101. Элиаде М. Аспекты мифа. – М., 1996.
102. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.
103. Эткинд А. М. Цветовой тест отношений и его применение в исследовании больных неврозами. // Социально-психологические исследования в психоневрологии. Под ред. Е. Ф. Бажина. - Л., 1980. - С. 110—114.
104. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности. // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара, 2000. – С. 589 – 601.
105. Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности. – М., 1999.
106. Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурная репрезентация гендерных отношений. // Социокультурный анализ гендерных отношений / под ред. Е.Ярской-Смирновой. - Саратов, 1998.
107. Яцышин С.М. Проявление созависимости в ценностно-смысловой сфере матерей при наркотизации ребенка. Дис. ... к.пс. н. – СПб., 2003.
108. Abes E. S., Jones S. R. Meaning-making capacity and the dynamics of lesbian college students' multiple dimensions of identity // Journal of College Student Development. 2004. #45. PP. 612-632.
109. Allport G.W. Formation of In-groups. // Ethnic Identity in Society. / Ed. by A.Dashefsky. Chicago. College Publishing Company, 1976. P. 73 – 89.
110. Amiot C. E., de la Sablonnière R, Terry D. J., Smith J. R. Integration of Social Identities in the Self: Toward a Cognitive-Developmental Model. // Pers. Soc. Psychol. Rev. 2007; 11; 364 – 390.
111. Bennett M., Sani F. Children's subjective identification with social groups: a self-stereotyping approach // Developmental Science 11:1 (2008), pp 69–75.
112. Bettencourt B.A., Hume D. The cognitive contents of social-group identity: values, emotions, and relationships // European Journal of Social Psychology. 1999. Vol.29. P.113-121.
113. Bochner S. The Social Psychology of Cross-Cultural Relations. // Cultures in Contact. Studies in Cross-Cultural Interaction. / Ed. by S.Bochner. Oxford: Pergamon Press, 1982. P. 5 – 44.

114. Clark K. B., Clark M.K. Skin Color as a Factor in Racial Identification in Negro Preschool Children // *Journal of Social Psychology*, S.P.S.S.I. Bulletin, 1940, # 11, P. 159 – 169.
115. Cohen Y. Gender identity conflicts in adolescents as motivation for suicide. // *Adolescence*. 1991. Spring. 26(101). PP. 19-29.
116. Dashefsky A., Shapiro H. Ethnicity and Identity. // *Ethnic Identity in Society*. / Ed. by A.Dashefsky. Chicago. College Publishing Company, 1976. P. 5 – 11.
117. Egan S. K., Perry D. G. Gender identity: A multidimensional analysis with implications for psychosocial adjustment // *Developmental Psychology*, Vol 37(4), Jul 2001. pp. 451-463.
118. Erikson E.H. The Concept of Identity in Race Relations: Notes and Queries. // *Ethnic Identity in Society*. / Ed. by A.Dashefsky. Chicago. College Publishing Company, 1976. P. 59 – 72.
119. Gramzow R. H., Gaertne L. Self-Esteem and Favoritism Toward Novel In-Groups: The Self as an Evaluative Base // *Journal of Personality and Social Psychology* Copyright 2005 by the American Psychological Association. 2005, Vol. 88, No. 5, 801-815.
120. Hilton, J. L., von Hippel, W.. Stereotypes. *Annual Review of Psychology*, vol. 47, 1996, 237–271.
121. Hogg M., Ridgeway C. Social Identity: sociological and social psychological perspectives // *Social Psychology Quarterly*. – Albany, 2003. Vol. 66, # 2. P. 97 –100.
122. Hogg M., Williams K. From I to We: Social Identity and the Collective Self. // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice* 2000, Vol. 4, No. 1, 81-97
123. Hunter J. A. Inter-Group Evaluative Bias and Self-Esteem among Christians. // *Current Research In Social Psychology*. 1998. Vol. 3 (7). P. 74 – 87.
124. Kun M., McPartland T. An empirical investigation of self-attitudes // *Am. Sociological Rev.* 1954. Vol.19. No. 1.
125. Phinney J.S. Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research. // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. # 3. P. 499 – 514.
126. Piaget J., Weil A.M. The Development in Children of the Idea of Homeland and of Relations with Other Countries. // *International Social Science Bulletin*. 1951. Vol 3. P. 561 – 578.
127. Postmes T., Lee A. T., Novak R. J. Individuality and Social Influence in Groups: Inductive and Deductive Routes to Group Identity. // *Journal of Personality and Social Psychology* , 2005, Vol. 89, No. 5, 747–763.
128. Pushkin I., Veness T. The Development of Racial Awareness and Prejudice in Children. // *Psychology and Race* / Ed. by P.Watson. Harmondsworth: Penguin Education, 1973. P. 23 – 42.
129. Reid A., Deaux K. Relationship Between Social and Personal Identities Segregation or Integration? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 71. No. 6. 1084-1091.

130. Sinclair S., Huntsinger J., Skorinko J., Hardin C. Social Tuning of the Self: Consequences for the Self-Evaluations of Stereotype Targets // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol.89. P.160–175.
131. Tajfel H., Turner J. An Integrative Theory of Intergroup Conflict. // *The Social Psychology of Intergroup Relations*. / Ed. by W.G.Austin and S.Worchel. Monterey, Books Publishing Company, 1979. P. 33 – 49.
132. Trafimow D., Triandis H. C., Goto S. G. Some tests of the distinction between private self and collective self // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991 #60. pp.649-655.
133. Turner J. C. Towards a cognitive redefinition of the social group. In H. Tajfel (Ed.), *Social identity and intergroup relations* (pp. 15-40). Cambridge, UK: Cambridge University Press and Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1982.
134. Turner K. L., Brown C. S. The Centrality of Gender and Ethnic Identities across Individuals and Contexts // *Social Development*, 16, 4, 2007.
135. Van Vugt M., Hart C. M. Social Identity as Social Glue: The Origins of Group Loyalty // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004, Vol. 86, No. 4, 585–598.
136. Verkuyten M., Reijerse A. Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability // *European Journal of Social Psychology*. 38, 106–127.